

FACULTY OF EDUCATION, UNIVERSITY OF PRIMORSKA
ANDRZEJ FRYCZ MODRZEWSKI KRAKOW UNIVERSITY

TRENDS AND TENDENCIES IN MODERN PHILOLOGY

Nr. 2/2018

Koper 2018

Trends and Tendencies in Modern Philology

Nr. 2/2018

Založnik/Published by: Univerza na Primorskem, Pedagoška fakulteta

Nosilec avtorskih pravic/Copyright: Univerza na Primorskem, Pedagoška fakulteta

Glavna in odgovorna urednica/Editor-in-Chief: Anna Kožuh

Uredniški odbor/Editorial Board:

Vida Medved Udovič, University of Primorska, Koper

Agata Hołobut, A. F. M. Krakow University

Goran Maksimović, University of Niš

Rašida Kadrić, University of Sarajevo

Татьяна Марченко, Donbas State Pedagogical University

Majda Kaučič Baša, University of Trieste

Ivan Verč, University of Trieste

Tajnica/Secretary: Ewa Anielska

Tiskarna/Printed by: Mellow

Publikacija je brezplačna/ The journal is free of charge

Naklada/Copies: 120

This publication is the effect of the long-term research cooperation between three universities: Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University, Poland, Horlivka Institute for Foreign Languages, Donbas State Pedagogical University, Ukraine and University of Primorska, Slovenia.

ISSN 2464-0050

VSEBINA / CONTENTS

Карлыга Утегенова	
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ	7
Алла Габидуллина	
МЕТОДЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	27
Горан М. Максимовић	
ЕРОТСКО У ПРИПОВИЈЕТКАМА ИВА ЂИПИКА	41
Анна Бессонова	
ЖАНР ОЪЯСНЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА	61
Ірина Архіпова	
АВТОРЕФЕРЕНЦІЯ АВТОРСЬКОГО ВІДСТУПУ В АНГЛОМОВНИХ ХУДОЖНІХ ПРОЗОВИХ ТЕКСТАХ ХІХ-ХХ СТ.	71
Невена Б. Станисављевић	
СТРАТЕГИЈЕ ЧИТАЊА У ПРИПОВЕЦИ ПРИЧА О СРЕЂИ И НЕСРЕЂИ МИОДРАГА БУЛАТОВИЋА	79

Галина Донскова

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНО-
НИМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА (НА
МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИКИ Г. УРАЛЬСКА,
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН) 99

Ірина Чернишова

ПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИСЛОВЛЮВАНЬ З
ТЕМПОРАЛЬНИМИ МАРКЕРАМИ ОЦІННОСТІ «СВОГО/
ЧУЖОГО» ПРОСТОРУ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОГО
ТЕКСТУ БІБЛІЇ) 107

Людмила Суховецька

СЕМАНТИЧНИЙ ПАРАМЕТР РОЗПОВІДНИХ
КОНСТРУКЦІЙ З ІНТЕНЦІЄЮ ВИМОГИ В
АНГЛОМОВНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ 115

Карлыга Утегенова

Западно-Казахстанский государственный университет им. М.
Утемисова
Казахстан

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ

В настоящее время в казахстанских судах все чаще рассматриваются дела, где тексты на русском и казахском языках выступают как источники доказательств, важных для решения споров по гражданским делам. Практика показывает, что для установления различных фактов по таким делам существенно использование специальных знаний в области филологической текстологии, прикладной лингвистики и т.д. Специальные филологические познания необходимы для всестороннего и глубокого анализа текста, который стал предметом спорных взаимоотношений. лингвист-специалист с базовым филологическим образованием не всегда может квалифицированно и объективно провести исследование текста, послужившего предметом судебного разбирательства, поскольку помимо собственно научных знаний, лингвисту в производстве судебной лингвистической экспертизы необходимо разбираться в вопросах особенностей употребления языка в юридической сфере, т.е. в юрислингвистике.

В своей работе мы не претендуем на освещение всех сторон лингвистического исследования спорного текста, но некоторые проблемы экспертной деятельности в ней мы постарались отразить.

Когда человек считает, что про него распространили порочащие его негативные сведения, зачастую он обращается в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Такое речевое правонарушение трактуется в статье 143 ГК РК [5].

Правовые дефиниции понятий честь, достоинство, деловая репутация, порочащие сведения приведены в Нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан «О применении в судебной практике законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц». Так, содержание словосочетания порочащие сведения, используемого в качестве юридического понятия, раскрывается в нем как: «... не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, моральных принципов общества (например, сведения о совершении нечестного поступка, недостойном поведении в трудовом коллективе, в семье, сведения, опорочивающие производственно-хозяйственную деятельность, репутацию и т. д.) [15].

В приведенной дефиниции названы два отличительных признака порочащих сведений. Во-первых, это не соответствующая действительности информация. Данный параметр верифицируем, так как может быть проверен на соответствие действительности. Под сведениями в смысле данного Постановления необходимо понимать утверждения о фактах, которые могут быть установлены или не установлены прямым сопоставлением с действительностью. Факт – это событие или происшествие, которое существует в

реальности и происходит в действительности. Факты имеют материальные свидетельства своего существования и могут быть проверены. Фактологическая природа порочащих сведений верифицируется значениями следующих лексем: поступок, поведение, деятельность, которые употребляются в конкретизирующей части определения.

Во-вторых, это информация о совершении кем-то какого-либо противоправного или аморального поступка. В соответствии с п. 1 ст.143 ГК РК гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если носитель таких сведений не обоснует их соответствие действительности [5].

Для привлечения автора публичного высказывания к ответственности по п. 1. ст.143 ГК РК, а также по ст. 129 УК РК, необходимо наличие в совокупности следующих условий: 1) распространение оспариваемой информации; 2) это должно быть утверждением о фактах, а не выражением собственного мнения человека; 3) носит порочащий характер [5, 23].

Эксперт-лингвист по данным категориям дел исследует речевое поведение автора конфликтного текста. Информация в спорном тексте может быть выражена эксплицитно (явно, словесно выражено) и имплицитно (скрыто, неявно выражено).

В лингвистике в целях изучения отождествления оскорбительных или клеветнических выражений был введен термин «инвективная лексика и фразеология» (далее ИЛФ), который означает резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь; брань.

По словам В. И. Жельвиса, «...в основе инвективного общения лежит стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [10, с. 52-60].

В основе такой лексики лежат слова и выражения, в значении, экспрессии которых заключаются оскорбление личности человека, у которому обращена речь. Намерением адресанта речи является унижение, оскорбление, опорочение и дискредитация объекта оскорбления. Чаще всего такая речь сопровождается намерением сделать его в резкой и грубой форме. Большая часть ИЛФ состоит из бранной, просторечной и жаргонной лексики и характеризуется грубой вульгарной экспрессией, резкой негативной оценкой. Значительное место в ИЛФ занимают табуированные выражения.

В рамках «литературной» инвективной лексики тоже есть различные группы: 1) книжная лексика с инвективной семантикой (мошенник, проститутка); 2) эвфемизмы для подобных слов, несущие инвективную нагрузку («дама легкого поведения»); 3) переносное использование таких слов («политическая проститутка»); 4) группа слов констатирующей инвективной семантики («стерва», «подонок»). Поэтому в обобщенном виде под инвективной лексикой подразумевается лексика, оказывающая влияние на понижение социальной привлекательности личности и в глазах общественности, и в глазах самого индивида.

Таким образом, коннотация ИЛФ связана с оскорблением, которое вызвано использованием стилистически-нормированной лексики, в части прямой вовлеченности «нонстандартного» и «субстандартного» слоев в причинение «оскорбления», которое представляется в обыденном сознании как негативное социальное явление [13, с. 16].

Нарушение речевой нормы или отклонение от нее при употреблении ИЛФ возникает из-за стилистической неоправданности подбора языковых средств. Однако в житейском понимании оскорбление воспринимается не на базе знания правовых норм, а на мнении, что то или иное выражение квалифицируется как «оскорбление», потому что в языковом сознании индивида оно трактуется как отступление

от общепринятых норм данного социума. Именно по этой причине индивидуальное восприятие оскорбления зависит от принадлежности индивидуума к той или иной прослойке общества.

Термин «ненормативная лексика» (иными словами ИЛФ) получил двоякую трактовку в лингвистике и в юриспруденции:

1). В юриспруденции к ней относится лексика, отображающая слой языка, использование которых в речи нарушает общепринятые в данном социуме нормы общественной морали и квалифицируется как «оскорбление», в силу того, что образует состав преступления или состав вербального проступка. В этот разряд включаются лексико-фразеологические единицы как из «внелитературной» сферы языка (потаскуха), так и «нормированные» (негодяй, подлец, врун).

2). В языкознании ненормативной является не относящаяся к литературному языку лексика (просторечные слова, жаргон, диалекты), на которых не распространяется действие норм литературной речи. Лингвистическое понимание «ненормативности» лексики исходит из признания барьера, дозволеннорамкамилитературногоязыкаиинедозволенного, изучение которого старались избегать до некоторого времени ввиду отрицательности языкового материала [11, с. 4]. Таким образом, использование одинаковой терминологии в лингвистике и юриспруденции создает отсутствие ясности при квалификации «оскорбления», избежать ее можно лишь посредством обстоятельного лингвоанализа «оскорбления».

Т. В. Матвеева считает, что субъективность значения лексико-фразеологических единиц в разных контекстах аффективной речи зависит не от эмоционально-отрицательных качеств предмета речи с точки зрения норм морали или эстетики, а от того, что субъект речи в данный момент с помощью этих единиц выражает, что в них вкладывает, будь то свое отрицательное

эмоциональное состояние или соответствующее отношение к адресату речи [14, с. 22].

Итак, ИЛФ внутренне разграничена и содержит слова и выражения, относящиеся как к литературному языку, так и к внелитературной области языка. Отрицательное воздействие на адресата происходит ввиду одинаковых характеристик ИЛФ вне зависимости от того, к какому слою разговорной или литературной сфере принадлежит высказывание, обладающее свойством оскорбительности [21, 24].

Для наглядного представления лингвистической квалификации оскорбительных высказываний приведем примеры из материалов нашей лингвоэкспертной деятельности.

Для производства лингвистической экспертизы было представлено постановление суда № 2 Зеленовского района ЗКО по уголовному делу частного обвинения в отношении гражданина А. по ст. 108 УК РК, встречной жалобы частного обвинения в отношении гражданки К. по ст. 130 часть 1, ст. 131 часть 1 УК РК.

На разрешение специалиста поставлены следующие вопросы:

(1) Носит ли высказывание «твои родственники тебя резали, не дорезали и вообще пошел ты на ... козел» оскорбительный характер?

Для выявления сути вопроса является ли оскорбительным речевой оборот «твои родственники тебя резали, не дорезали и вообще пошел ты на ... козел» было рассмотрено значение слова «оскорбление», которое в соответствии с толковыми словарями русского языка означает: 1) тяжело обидеть, унижить [16]; 2) обида, огорчение, неприятность, поношение, поправление, поругание, унижение, колкость, укол, шпилька, уязвление, афронт; беславие, бесчестье, позор [1]; 3) враждебные действия в отношении; действие, предпринятое для унижения кого-л.; издевательство, издевка, издеваться, издевательский; поругание; плевать [плюнуть, наплевать] в душу; пощечина, обзывать, обругать [3].

Спорное высказывание вызвало коммуникативный конфликт, особую речевую ситуацию, при котором противоречия между собеседниками проявились остро и общение приобрело характер борьбы, когда коммуниканты, стремясь одержать победу в словесной борьбе, придерживаются тактики унижения и оскорбления собеседника.

Ярким проявлением коммуникативного конфликта, как указывалось выше, является инвективная стратегия, которая используется в спорном высказывании. Поскольку инвектива – это оскорбительная речь, имеющая определённые целевые установки (стратегии), то можно выделить два компонента инвективной стратегии: 1) отрицательную оценочность и 2) «стремление понизить социальный статус адресата». Ещё одним компонентом инвективной стратегии, который можно выделить на основании словарных толкований, является обязательное наличие объекта оскорбления, поскольку инвектива – резкое выступление против кого-либо, некий раздражитель [10, с. 54].

Таким образом, можно предложить следующее толкование понятия «оскорбительная речь» – это речь, содержащая отрицательную оценку объекта, на который она направлена, и воспринимаемая этим объектом как несправедливая, незаслуженная, т.е. не соответствующая действительности. Целью этой речи является понижение статуса объекта речи и/или уровня его самооценки.

В лингвистической научной литературе инвектива рассматривается как речевая функция нанесения оскорбления, как любое резкое выступление против оппонента [7].

Функцией нанесения оскорбления обладают, прежде всего, инвективы в узком смысле, такие как синонимы сквернословия, вербальное нарушение этического табу, осуществлённое некодифицированными, преимущественно абсцессными средствами.

Рассмотрим конкретные речевые высказывания спорного высказывания:

1) ТВОИ РОДСТВЕННИКИ ТЕБЯ РЕЗАЛИ, НЕ ДОРЕЗАЛИ.

Семантика данного речевого высказывания нами четко определена, поскольку его нет ни в фразеологических словарях, ни в идиоматических словарях, ни в Толковом словаре «Русский мат» [2].

В соответствии с толковыми словарями русского языка:

Резать – 1. Разделять на части, отделять от целого чем-н. острым (также перен.: действовать жёстко, жестоко); 2. Убивать острым орудием (перен.: ставит в тяжёлое, безвыходное положение; разг.) [16].

Резать - кроить, крошить, кромсать, рубить, пилить. [1].

Дорезать – резать что-либо до конца или до определённого места [9].

Как видим из словарей, лексическое значение слов резать и дорезать несут в себе агрессию и означают пренебрежительное отношение к адресату, которого «родственники резали и не дорезали». В толковых словарях слово пренебрежение дефинируется как высокомерно-презрительное отношение, недостаток уважения к кому-л., чему-л. [9], как презрение, безгливость, невнимание, игнорирование [1].

2) ПОШЕЛ ТЫ НА ...

В данном выражении четко прослеживается речевая агрессия - целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия. Тактикой проявления речевой агрессии в данном случае является одна из наиболее распространенных в современной русской разговорной речи тактика отсыла. И хотя в тексте не отражено слово, обозначающее место, куда коммуникант отсылает своего собеседника, семантика этой агрессивной тактики древняя. Усиление экспрессии субжанра отсыла чаще всего происходит путем использования обценной табуированной лексики. Именно поэтому нецензурные

выражения «Пошел ты на х...!» в русской коммуникативной практике воспринимаются как наиболее оскорбительные [18].

3) КОЗЕЛ

Козел - 1) пассивный гомосексуалист, 2) общественник в ИТУ, 3) велосипед [20].

В научной литературе по лингвоконфликтологии выделяются следующие группы оскорбительных слов и выражений: 1) использование стилистических синонимов оскорбления; 2) влияние на имидж; 3) использование бранных, грубых слов; 4) использование слов с неодобрительной окраской; 5) использование слов, содержащих или подразумевающих обвинение, подозрение; 6) использование слов, выражающих пренебрежение; 7) использование слов, выражающих убожество; 8) сравнение с животными; 9) намек на социальную несостоятельность [12, с. 71-76].

Исходя из данной классификации констатируем, что автор спорного высказывания использовал зоологизм (козел), сексуальную брань (пошел на ...), слова с пренебрежительной окраской (твои родственники тебя резали, не дорезали).

Вывод: Высказывание «твои родственники тебя резали, не дорезали и вообще пошел ты на... козел» носит оскорбительный характер, так как в нем употреблены сравнение с животными - зоологизм «козел»; бранные, грубые слова - пошел на ...; слова, выражающие пренебрежение, - твои родственники тебя резали, не дорезали

(2) Выражено ли высказывание в неприличной форме, противоречащей правилам поведения в обществе?

Понятия неприличная лексика и неприличная форма выражения требуют уточнения применительно к бытовому, лингвистическому и юридическому пониманию, поскольку указанные понимания не совпадают. Для обыденного и юридического аспекта проблемы важен морально-этический аспект анализа: понятия приличие, неприличие лежат в

морально-этической плоскости общественного сознания. Для лингвистики важен языковой аспект проблемы: какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как неприличной.

Спорное высказывание «твои родственники тебя резали, не дорезали и вообще пошел ты на ... козел» является неприличной как со стороны формы языкового высказывания, так и со стороны его содержания.

1) ТВОИ РОДСТВЕННИКИ ТЕБЯ РЕЗАЛИ, НЕ ДОРЕЗАЛИ -

Лексика данного высказывания нормативна, в нем нет ни одного жаргонного или обценного слова, тем не менее, фразеология высказывания находится за пределами норм литературного языка и рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении. Здесь важно подчеркнуть, что вышеназванные понятия характеризуют именно функционирование языковых единиц в речи, отражают их восприятие носителями языка в определенных коммуникативных ситуациях, определенных контекстах. Нормативность и ненормативность тех или иных единиц языка не постоянные, раз и навсегда определенные характеристики соответствующих языковых единиц, к примеру, одна и та же единица может оказаться в одних ситуациях ненормативной, а в других может не иметь такого статуса, поэтому принципиально важен контекст употребления ненормативной единицы. В контексте данного высказывания мы относим ее к ненормативной.

Рассмотрим данное высказывание с другой точки зрения. Хотя в нем не содержится языковых средств, выражающих прямое оскорбление, оно создает отрицательный психологический и эмоциональный фон для восприятия высказываний о нем. Общая негативно-оценочная тональность создается

намеренным подбором лексем, в значении которых содержатся семы отрицательной характеристики обозначаемого субъекта: твои родственники тебя резали, не дорезали. Контекстный характер словоупотребления, который является одним из принципов анализа конфликтного высказывания, увеличивает силу негативного эмоционального воздействия высказывания.

Исследование закономерностей человеческого общения предполагает включение каждого конкретного высказывания, фрагмента текста в более широкий контекст, в более глобальную систему, которую назовем национально-культурным пространством.

Всякое общество вырабатывает свою систему социальных кодов в той или иной ситуации общения. Этот набор типовых программ речевого поведения регламентируется нормами и правилами, выработанными в лингвокультуре. Общество заинтересовано в соблюдении и сохранении стандартов и образцов. И тогда мы говорим о противоречии между установленными обществом нормами и индивидуальными реализациями общения, мы исследуем модель поведения индивида, включенную в широкую социальную и национально-культурную парадигму [22].

Так, в контексте высказывания отмечаем, что негативное упоминание родственников является для лица казахской национальности крайне оскорбительным, «ломает» его картину мира. В казахской картине мира родственники играют очень важную роль, их место в национальной системе ценностей стоит достаточно высоко. К слову упоминаем, что древняя легенда о том, что перед лицом смерти казах выбирает не сына, а брата, говоря, что сына он еще может родить, а брата ему никто не вернет, в большинстве случаев до сих пор в национальной картине мира остается актуальной.

Таким образом, отрицательная оценка родственников лица казахской национальности способна глубоко оскорбить человека. В данном случае это высказывание имеет целью

унизить и оскорбить адресата, перенести пренебрежительную оценку родственников гражданина А. на адресата. Применение подобных непрямых коммуникативных тактик ясно отражает интенции и главную цель автора высказывания - дискредитировать адресата.

2) И ВООБЩЕ ПОШЕЛ ТЫ НА ...

Лексика данного высказывания нормативна, если не считать подразумеваемой за многоточием обценной лексики. Фразеология же данного высказывания ненормативна, т.е. находится за пределами норм литературного языка и рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении.

3) КОЗЕЛ

Исходя из утверждения, что морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе, считаем, что в данном контексте словоупотребление ненормативно. В языковом сознании общества и в общественном мнении рассматриваемая единица речи подлежит исключению из публичного употребления, т.е. употреблению в общественных местах. Другими словами, ненормативная лексика – это та, которую нельзя употреблять при свидетелях.

Ненормативным это высказывание делает неуместность ее употребления в коммуникативной ситуации. Бранная или инвективная лексика (козел) содержит резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и для спонтанного выброса эмоций. Использование бранной лексики осуждается общественным сознанием с морально-этической точки зрения, но эти единицы не запрещены полностью: возможны ситуации, когда общественное сознание может оправдать их

использование (например, в крайне эмоциональных ситуациях, в небольшом кругу «своих» и т.д.) [19].

Нецензурная лексика - это предельно экспрессивная лексика, она признается абсолютно недопустимой в публичном общественном употреблении в любой коммуникативной ситуации. Однако в анализируемом высказывании нецензурная лексика лишь подразумевается, в тексте она непосредственно не отражена.

С точки зрения лингвистики неприличным может быть как форма языкового высказывания (использование непристойных слов и выражений), так и содержание высказывания.

Неприличие содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению. Неприличными являются бранные и нецензурные языковые единицы, они рассматриваются как неприличная форма выражения мысли в речи.

Вывод: В спорном высказывании неприличным с точки зрения его формы является употребление инвективной лексики (козел). Нецензурная лексика лишь подразумевается, в тексте она непосредственно не отражена. С точки зрения содержания высказывание также неприлично, так как затрагивает тему, которая в обществе нравственно запрещена к общественному публичному обсуждению.

(3) Носит ли ненормативная лексика (нецензурная брань) оскорбительный характер?

Нецензурные слова в языке запрещены полностью, их диагностическая характеристика – тотальный запрет на общественное употребление в любой форме. Нецензурная лексика, как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки, если используется безадресно, для выброса эмоций, для характеристики третьего лица. В данном случае использование инвективы козел и

выражения и вообще пошел ты на ... имеет установку на оскорбление, так как оно адресно.

Вывод: В спорном высказывании нецензурные слова в тексте не отражены, однако подразумевается нецензурное обозначение мужского полового органа, который в тексте отражен многоточием - и вообще пошел ты на .... Употребление данной речевой конструкции, как и инвективы козел, имеет оскорбительный характер, так как они имеют конкретного адресата.

(4) Является ли данное высказывание утверждением, мнением или иной формой языкового выражения мысли?

В научной лингвистической литературе выделяют следующие виды утверждения о фактах и субъективных суждениях:

Фактивное высказывание дескриптивно, объективно, проверяемо, оно имеет форму утверждения с пресуппозицией знания и накладывает на говорящего ответственность за его соответствие действительности: 1) дескриптивность (описывают предметы, действия, признаки объективной действительности), 2) объективность (не выражают отношение говорящего субъекта к действительности), 3) верифицируемость (соотносимы с событиями объективной действительности).

Субъективное суждение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности, субъективно отражает представления говорящего о правильном и неправильном, хорошем и плохом (недескриптивны, интерпретационны, неверифицируемы) [8, с. 107-112].

1) Утверждение о фактах. Спорное высказывание не является утверждением о фактах, поскольку в нем не содержатся речевые конструкции, указывающие на то, что факты можно проверить на соответствие действительности. Объективным лингвистическим критерием, позволяющим дать экспертное заключение по данному вопросу, является наличие в предложении предикативной связи между главными членами.

В двусоставных предложениях центральным элементом предикативной связи является сказуемое с грамматическими категориями времени и наклонения, которые соотносят содержание высказывания с действительностью [6].

В спорном высказывании предикатом являются глаголы в прошедшем времени (резали, не дорезали). Категория прошедшего времени глагола показывает, что действие (событие) не связано с настоящим. Таким образом, в тексте не содержатся утверждения о фактах, которые означают реальность данного действия в настоящее время.

Высказывание недескриптивно, интерпретационно, неверифицируемо.

2) Оценочное субъективное суждение. Создание высказываний, направленных на передачу адресату определенной информации о негативной оценке объекта подразумевает присутствие в тексте компонентов, эксплицитно (явно) или имплицитно (логическая связка, соответствующая грамматической конструкции «если.., то...») выражающих оценочное значение. В анализируемом спорном высказывании оценочное субъективное суждение выражено эксплицитно, т.е. явно.

Одним из широко распространенных способов указания на негативное оценочное субъективное суждение о чем-либо становится присутствие в тексте отрицательной оценки с помощью конструкций, в которых оценочный смысл выводим на основании сопоставления, т.е. вариант, при котором проведена аналогия [17].

Как видим, в спорном высказывании проводится аналогия адресата с зооморфемой козел.

В спорном тексте также, в соответствии с классификацией речевой агрессии Дж. Лича, содержится конфликтив. В этот класс ученый относит угрозы, обвинения, проклятия, выговоры, в том числе и табуированную лексику (Leech, 1983:104) - цит. по: Богданову. [4, с. 25-37].

И аналогия с зоонимом козел, и использованный в речи конфликтив являются экспрессивами, которые эмоционально влияют на адресата. М.Ю. Федосюк выделяет три функции, которые в разной степени проявляются в любом из отрицательно оценочных суждений: 1) информирование адресата об отрицательной оценке говорящим адресата; 2) негативное воздействие на эмоции адресата; 3) стремление изменить поведение адресата или вызвать его раскаяние [24, с. 72].

На основе анализа теоретической литературы приходим к выводу, что в спорном высказывании не содержатся иные формы языкового выражения мысли, в том числе и утверждения о фактах, кроме речевого жанра оценочного суждения.

Анализ иллокутивной функции высказываний выявил, что все они субъективные суждения. Субъективные суждения: 1) разнородны (суждения о будущем положении дел, оценки, мнения, предположения, суждения о намерениях другого лица, суждения о его психологических состояниях и др.); 2) отражают не реальный мир, а состояние сознания говорящего или персонажа.

Предположение адресанта недескриптивно, интерпретационно, неверифицируемо.

Вывод: В анализируемом фрагменте текста имеется речевой жанр субъективного оценочного суждения, ориентированного на информирование адресата о его отрицательной оценке, выраженной с помощью аналогии (козел); на негативное воздействие на эмоции адресата (оскорбление – пошел ты на ...). В спорном тексте не содержатся иные формы языкового выражения мысли, в том числе и утверждения о фактах.

Анализ языковых и речевых средств, используемых в спорном высказывании, использование позволило сделать вывод о том, что в высказывании «твои родственники тебя резали, не дорезали и вообще пошел ты на ... козел» содержится отрицательная оценка личности гражданина А., подрывающая

его престиж в глазах окружающих, выраженная в неприличной форме. Дискредитация личности гражданина А. усиливается при наличии в разговоре третьего лица (наблюдателя).

Таким образом, отмечаем, что в научной литературе о подходах в проведении лингвистической экспертизы по конфликтным высказываниям намечилось три направления: 1) анализ намерений автора, представляющий общенаучный интерес в рамках теории речевого акта; 2) анализ приемов и способов, ведущих к оскорблению, анализ наиболее частотных ходов тактик нанесения обиды, издевки и оскорбления; 3) анализ сложного корпуса этнических, психологических, моральных и этических составляющих оскорбления, опирающийся на общую модель оскорбления, основанную на нормах морали, этики, поведения человека в обществе.

Задача судебной лингвистической экспертизы чаще всего сводится к установлению факта стилистической оправданности употребления того или иного слова, способности сведения влиять на общественную привлекательность лица, подвергшегося вербальной агрессии и др.

Литература

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений.- М.: Русские словари, 1999.
2. Ахметова Т.В. Русский мат. Толковый словарь. – М.: КОЛОКОЛ-ПРЕСС, 2000.
3. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. - М.: Изд-во ЭТС, 1995.
4. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин, 1989. - С.25-37.
5. ГК РК (с изм. и доп. на 21.07.2018 г.). Введен в действие Постановлением Верховного Совета РК 27 декабря 1994 года № 269-ХІІ
6. Губаева Т., Муратов М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. - URL <http://www.lawmix.ru/comm/>

7. Демидов О.В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) – URL <http://www.lib.csu.ru/vch/>

8. Доронина С.В. Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации // Известия АГУ. № 2/2 2010. – 107-112.

9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус.яз., 2000. – 1084 с.

10. Жельвис В. И. Культура и непристойность: проблемы взаимоотношений // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 52–60.

11. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. – М.: Наука, 1994. – 57 с.

12. Капленко В. Н. Инвективность открытая и скрытая // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 71–76.

13. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. – Берлин, 1993, № 2. – С. 15–31.

14. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. Известия УрГУ, № 17.

15. Нормативное Постановление Верховного суда РК от 18.12.1992 № 6 «О применении в судебной практике законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц» (с изменениями от 22.12.08)

16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.

17. Полякова Отрицательная оценка в русских письмах. - Саратов, 2001. - 197 с.\

18. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия. - URL <http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html>

19. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста. - URL <http://konference.siberia-expert.com/v>

20. Словарь воровского жаргона. – М., 2012. - URL <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/slang/jargon.htm>

21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки

русской культуры, 1996. – 288 с.

22. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.01 Екатеринбург, 2003 - 301 с.

23. УПК РК от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 12.07.2018 г.)

24. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. - Саратов, 1997. - С. 66-88.

25. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.

Аннотация

Утегенова К.: Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении

Статья посвящена исследованию специфики лингвоэкспертизы по делам об оскорблении в Республике Казахстан. Приведена нормативно-законодательная база дел об оскорблении в Казахстане, рассмотрены теоретические вопросы инвектива, проанализирован практический материал, освещены некоторые вопросы специфики оскорбления в казахском национально-культурном пространстве.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, нормативное обеспечение, инвектив, лингвокультура.

Summary

Utegenova K.: Linguistic expertise in cases of insult

The article is devoted to the investigation of specificity of linguo-examination in cases of insult in the Republic of Kazakhstan. The normative and legislative basis of cases of insult in Kazakhstan is given, theoretical questions of the invective, analyzed practical material, some issues of the specifics of insults in the Kazakh national and cultural space are covered.

Key words: linguistic examination, insult, normative provision, invective, linguoculture.

Алла Габидуллина

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний
університет» Горлівський інститут іноземних мов
Україна

МЕТОДЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Педагогическая лингвистика – это «область языкознания, в которой язык описывается не «в себе и для себя», а с учетом того, что такое описание должно в максимальной степени отвечать потребностям обучения этому языку как средству передачи информации (в процессе говорения и письма) и ее восприятия (при слушании и чтении)» [8]. Один из главных объектов данной науки учебно-педагогический дискурс (УПД) как семиотический процесс производства и интерпретации учебных текстов в целостной, замкнутой коммуникативной ситуации, погруженной в сферу организованного обучения русскому языку в средней школе. Предмет изучения – коммуникативно-прагматические, содержательные и конструктивные категории дискурса, его жанровые особенности [2, с. 5].

Выбор метода исследования УПД во многом определяется особенностями тексто-дискурсивных категорий – существенных признаков текста в составе дискурса. «Категориальный аппарат коммуникативной ситуации должен описываться исходя из наиболее общих средств этой

суперсистемы, а текст как одна из материальных форм дискурса воплощает и манифестирует определенные общие свойства коммуникативной ситуации, ибо все свойства текста подчинены одной цели – осуществлению коммуникативного взаимодействия как информационного обмена и воздействия» [9, с. 191-192].

Все эти категории могут быть описаны как с помощью общенаучных методов (описательный метод, лингвистическое наблюдение, сравнение, эксперимент и пр.), так и собственно лингвистических, в том числе методов дискурс-анализа. В нашей статье речь пойдет в основном о них.

Цель дискурсивного анализа УПД – выявление контекста, стоящего за устной или письменной речью учителя и учащихся, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Любой дискурс – это социальное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения. Подобное единство двух сущностей коммуникации и текста изучается лингвистикой и как процесс, и как объект (тексты). Это отражается и на выборе методов исследования УПД.

Дискурс как процесс изучается с помощью конверсационного анализа и этнографических методов.

Конверсационный анализ — это детальный анализ разговора, который происходит в естественных ситуациях. Он позволяет изучить структуры и типичные формы высказываний, их эмоциональный фон, «плотность» социокультурных символов (гендерных, этнических и др.) и т. д. Конверсационный анализ помогает определить, как участники в процессе диалога «приспосабливаются» друг к другу, как распределяются между ними речевые шаги, как структурируется разговор, каким образом конструируется дискурсивная личность.

Создатели методики конверсационного анализа (Э. Щеглофф, Г. Сакс и др.) считают, что порядок в организации повседневной речи создается самими участниками, а не устанавливается исследователями. Поэтому в первую очередь изучаются такие основополагающие характеристики разговора, как средства поддержания социальной солидарности; координирование речевых вкладов: говорящие совместно создают нечто, что является в высокой степени структурированным. Последнее положение методологически связано с обоснованием таких основных категорий и единиц анализа КА, как речевой ход, секвенция и адъяцентная пара.

(1)— **Ну вот,** — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — **Сегодня среди нас есть раненые.**

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у нее косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

(2)— **И что случилось?** — спросила она.

— **Упал,** — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

(3)— **Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?**

— **Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.**

(4)— **Хи, упал!** — выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. — **Это ему Вадик из седьмого класса поднес. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.**

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги нас в два счета могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха все всполошилось и з гудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внес ясность — нечего сказать.

— **Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое,** — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона,

остановила его Лидия Михайловна. — **Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать.** Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — **После уроков останешься** (В. Распутин. Уроки французского).

В приведенном примере секвенция, организующая интеракцию «учитель-ученик», представляет собой типичную модель смены ролей / взятия речевого хода. Коммуникативная ситуация, описанная в рассказе Валентина Распутина, представлена четырьмя смежными парами – диалогическими единствами, обментами репликами. Тема (топик) речевого события – обсуждение причин появления гематом на лице ученика. Первая смежная пара – ирония и реакция на нее класса (смех). Вторая адъяцентная пара – вопрос о причине появления гематом и ответ (*Упал!*). Следующий обмен репликами – ирония в форме вопроса о времени происшествия и ответный речевой ход – реакция на интеррогатив как прямой речевой акт (не на иронию). Последнее диалогическое единство – сложный обмен репликами: речевой жанр «донос» как последовательность речевых ходов «возражение» (*Хи, упал!*), «сообщение» (*Это ему Вадик из седьмого класса поднес. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал*), «утверждение» (*Я же видел*), «обвинение» (*А говорит, упал*) – уклонение учителя от речевой кооперации: сообщение (*Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое*) + директив (*Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать*).

Конверсационный анализ активно используется специалистами по педагогической лингвистике, в частности, при изучении фатических речевых жанров, например этикетных формул, связанных с той или иной стереотипной ситуацией. Так, любое занятие начинается с приветствия. «В тексте урока от заполнения ситуации приветствия и введения соответствующего этикетного знака зависит реализация целеполагания. Если объявление темы урока является информативным жанром и

направлено на достижение знаниевого уровня в педагогическом движении дискурса, то речевой жанр приветствия, будучи фатическим, направлен на установление контакта между коммуникантами, обуславливающий обратную связь и эмоциональную динамику дискурса. Например: «Приветствую вас в кабинете литературы и тема нашего занятия...» приветствие и переход к тематической части урока нередко находится в непосредственном контакте. РЖ приветствия задает тональность и обуславливает характер последующего дискурсивного развертывания» [10, с. 20].

С помощью **интент-анализа** исследователь реконструирует отраженные в высказываниях участников педагогической коммуникации намерения – явные или скрытые. Как правило, применяется лингвопрагматический подход.

Этнографический метод анализа дискурса обоснован в работах П. Аткинсона, А. Сикурела, Д. Хаймса, М. Хаммерсли и др. В основе метода стоит систематический анализ контекста. В качестве единиц исследования используются речевые ситуации, речевые события и речевые акты.

Анализ слов, которые выражают коммуникативные события, оформляется в виде «речевой решетки», куда входят участники (педагог и учащиеся), предмет речи (топик), само событие как последовательность сцен (этапов занятия), хронотоп (время и место урока и его этапов), канал коммуникации (например, урок по Скайпу), код общения (язык и стиль общения), цель коммуникации, эффективность урока и др.

Приведем пример «речевых формул», закрепленных за конечными этапами урока (параметр «событие»): – Оценки за урок, – объявила Казаковцева и раскрыла тоненькую тетрадь (ставить отметки сразу в журнал она пока не решается). – Таня – «три», Коля – «пять», а тебе, Маргарита, к сожалению, «два»... В этот миг бикфордов шнур урока догорел, раздался дребезжащий взрыв школьного звонка и одновременно с ним удар бесплатного учебника по голове: Тимофея постигло

справедливое возмездие. – Звонок для учителя! – вполне сурово крикнула Елена Павловна, но ураган свободы не остановить (Ю. Поляков. Работа над ошибками).

Этнографический анализ важен, поскольку дискурсивные категории коррелируют с признаками коммуникативного контекста (ситуации), хотя, конечно, об их полной изоморфности говорить не приходится.

1. Признак «участники» соотносится с категорией антропоцентричности, подкатегориями которой являются адресантность и адресатность дискурса.

2. Признак «цель» коррелирует с категорией стратегичности.

3. УПД входит в семиосферу той или иной культуры, в сферу организованного обучения и подчиняется законам дискурсивной практики (закономерностям, принципам, правилам создания текста), принятой в данном социуме. Важными категориями УПД мы считаем интердискурсивность (свойство дискурса осуществлять взаимопересекающиеся связи различных текстов в рамках замкнутой учебно-педагогической коммуникативной ситуации) и интегративность.

4. Признак «предмет речи» имеет непосредственное отношение к категории информативности как способности текста адекватно донести до адресата определенную «дозу» информации разных типов: онтологической, методологической, прагматической и пр. Важнейшей категорией УПД является оценочность. Информативность дискурса соотносится с другой важной категорией – интерпретативностью, т. е. способностью «встречного» текста адекватно декодировать смысл «исходного».

5. Фактор адресата определяет форму текста, где, помимо вербальных знаков, встречаются и невербальные. Таким образом, одной из важных категорий учебного текста является поликодовость, креолизованность, т. е. смешанность наличие в нем иконических знаков (рисунков, картинок, схем).

Особенностью УПД является также парафрастичность как способность учебных текстов функционировать во множестве вариантов.

6. В состав УПД могут входить электронные учебники, материалы, почерпнутые из интернета. Как правило, такие тексты имеют нелинейную структуру. Для них характерна категория гипертекстуальности. Таким образом, канал коммуникации может оказывать существенное влияние на построение учебного текста.

7. Признак «событие» предопределяет категории целостности, связности и членимости (дискретности) дискурса и выбор речевого жанра [3, с.48].

В последнее время в педагогической лингвистике активно используется **интегративная методика дискурс-анализа**, которую предложила Н. К. Кравченко. Цель – выявить социальные представления автора / говорящего и воздействие его речи на «модель ситуации» реципиента. Методика отражает коррелятивные связи между уровнями языковой личности адресанта и этапами исследования дискурса [7, с. 51-52].

Исследование текстов учителя или учащихся на вербально-семантическом уровне предполагает анализ топиков, лексико-семантических и семантико-синтаксических, риторических средств, иными словами – языковой компетенции коммуникантов.

На мотивационно-прагматическом уровне осуществляется анализ речевых стратегий и тактик учителя или учащихся. В приведенном выше отрывке из рассказа В. Распутина «Уроки французского» стратегия учителя направлена на понижение уровня агрессии в классе (ирония, отказ от коммуникативной кооперации с «доносчиком» и др.). Применительно к УПД исследование мотивационного уровня – это анализ того, насколько эффективно использованы методы обучения.

При анализе когнитивно-экспланаторного уровня происходит идентификация знаний и представлений, присущих участникам

учебного процесса, описывается их картина мира, в том числе знания о языке и закономерностях их использования.

Проанализируем фрагмент книги М. Аромштам «Как дневник. Рассказы учительницы».

ДЕЛЕНИЕ С ОСТАТКОМ

— Все, с меня хватит! Иди на последнюю парту. (Это мне, практикантке.) И никаких тебе больше уроков! До контрольной неделя. Устроила тут дом отдыха.

(Дальше — детям.)

Всем встать!

Сесть!

Смотреть на доску.

Пишу: 22 разделить на 3.

Ты! Вот ты! Отвечай! Быстро! Сколько? Считаю, я говорю! Что молчишь? Я тебя спрашиваю или нет? Не знаешь? Стой. Распустила нюни!

Ишь, обрадовались! Добренькую прислали. «Пусть она будет подольше!» Я покажу вам «добренькую». Я вам покажу «подольше».

Теперь ты! Поднимайся. Ответ знаешь? Что застыл? Я тебя спрашиваю или нет? А ну смотри на доску! Будешь считать или нет? 22 разделить на 3. Что, тоже язык отсох?

Это нечестно, нечестно! Она не дает им подумать.

— А ну, давай, поднимайся! 22 разделить на 3. Быстро! Ответ! Не знаешь.

Теперь ты. Ответ! Молчишь? Стой со всеми.

Плачут уже семь человек. Господи милостивый! Сколько же будет 22 разделить на 3?

— Вот, полюбуйся, как ты их научила. (Это, кажется, снова мне.) Ни один не смог 22 разделить на 3. Добренькой нравится быть? Добренькие никогда ничему не учат. Они только все портят, добренькие. Ишь! Радовались они! А теперь стоят и режут. Нечего было радоваться! Всем сесть! Открываем тетради. Начинаю заново объяснять. Пишем тему на новой странице: «Деление с остатком».

Перед нами авторитарная языковая личность учителя. Она проявляется в многократном использовании оскорблений (Что, тоже язык отсох?) и директивных речевых жанров (приказов, требований, распоряжений): Отвечай! Всем встать! Сесть! Смотреть на доску и под. Учитель демонстрирует вербальную агрессию, стремится к достижению превосходства и к доминированию как по отношению к будущей коллеге (— Все, с меня хватит! Иди на последнюю парту. (Это мне, практикантке.) И никаких тебе больше уроков! До контрольной неделя. Устроила тут дом отдыха), так и по отношению к учащимся. Основная стратегия порицание, проявляющееся в форме речевых жанров угрозы, нотации, упрека. Преднамеренная агрессия педагога отражается в повышении тона голоса учителя, изменении тембра и темпа речи. Можно говорить о недостаточной профессиональной компетенции учителя начальных классов, которая должна включать знание методов оценки степени социальной напряженности в отношениях ребенка с окружающей средой; знание показателей формирования социальной зрелости ребенка; знание средств оценки системы позитивных межличностных отношений (психологический климат и организационная культура); умение формировать позитивные межличностные отношения в детском коллективе и т. д.

Рассмотрим методы исследования дискурса как продукта коммуникации.

Прежде всего отметим количественные методы, включая **контент-анализ** – обработку текстов или текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. «Сущность метода заключается в том, чтобы по внешним (количественным) характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать вывод об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях» [4, с. 65]. Это систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника. Процедура предусматривает подсчёт частоты упоминания тех или иных смысловых единиц изучаемого текста.

Основное поле применения контент-анализа в педагогической лингвистике можно условно разделить на 3 области: 1) анализ нормативных документов большого объема, однотипной школьной документации большого числа школ, анализ печатной продукции педагогов учебных пособий, методических рекомендаций, научных статей; 2) анализ работ учащихся (сочинений, изложений, других творческих работ, включая рисунки, компьютерные презентации и пр.); 3) анализ информационных массивов, полученных при применении других методов исследования. Так, например, контент-анализ используется для обработки результатов видеосъемки или стенограмм непосредственного наблюдения, аудиозаписей или стенограмм бесед, интервью, а также для обработки результатов ответов на «открытые» (т. е. подразумевающие произвольный текстовый ответ) вопросы анкет (подробнее о методике контент-анализа в педагогических исследованиях см. [1]). С помощью контент-анализа исследуется преимущественно категория информативности УПД, включая оценочность и интердискурсивность.

Нарративный анализ (от narrative – повествование) – это качественный метод исследования, направленный на интерпретацию высказывания и уделяющий особое внимание временной последовательности событий. Центральное понятие исследовательского метода – глубинная структура произведения. В качестве единицы анализа выступает нарратив, под которым понимается повествование, вербальное представление ситуаций и событий, например история того или иного научного открытия, биография исследователя, обзор современного состояния той или иной науки и пр..

Приложение схемы акта нарративного дискурса к педагогической коммуникации дает триаду «Преподаватель – Учебный материал – Учащийся», в каждом элементе которой нарратив предстает как важнейший «инструмент обучения». Учитель выступает как ретранслятор или как создатель нарратива. В последнем случае он может использовать истории из личного опыта (например, о своей поездке в страну, история или география которой изучается на уроке), добиваясь двойного эффекта: 1) такое повествование дает яркую иллюстрацию изучаемой темы, делая ее понятной, 2) оно качественно меняет отношения между педагогом и учениками, чему способствуют превращение рассказчика одновременно в героя повествования, личностная перспектива. Сухое объяснение превращается одновременно в рассказ «свидетеля событий» и в «личное признание» (исповедь).

Студенты (ученики), строя нарратив по теме исследования (проекта), осознанно получают новое знание, то есть развивают когнитивные способности, и неосознанно – групповую нарративную идентичность (коммуникативные навыки). Класс (группа) – это сообщество, у которого складываются свои традиции и своя история, постоянно происходят события, о которых ученики рассказывают друг другу, родителям, знакомым и т. д., что способствует их социализации [6].

В исследовании текста в различных типах контекста на основе интерпретации исследователем текстовых категорий и компонентов заключается **контекстуально-интерпретационный метод**. Он обычно используется при анализе сочинений школьников и предполагает 6 этапов:

1) «определение разновидности текста (стиль, язык, жанр, отношение к функциональным типам речи (повествование, описание, рассуждение);

2) декодирование текста как сообщения, раскрытие содержания в общем виде, его сжатие до двух-трех предложений;

3) подробный анализ значений слов и словосочетаний, которые они получают в микро- и макроконтесте;

4) анализ стилистических приемов в сопоставлении с нейтральными средствами языкового выражения;

5) выявление назначения стилистически маркированных отрезков высказывания, их роли в выражении субъективно-оценочного отношения автора к изображаемому; 6) суммирование и обобщение полученных результатов» [5, с. 284-289].

В нашей статье описана лишь небольшая группа методов изучения педагогического дискурса. Дискурсология – молодая, развивающаяся наука, и ее методология разработана пока недостаточно

ЛИТЕРАТУРА:

Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д. Контент-анализ в педагогическом исследовании: учебное пособие. URL: http://socpedmeasuring.ru/files/Kontent-analiz_v_pedagogicheskom_issledovanii.pdf.

Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: монография. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2009. 292 с.

Габидуллина А.Р. Педагогическая лингвистика: учебное пособие. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2012. 324 с.

Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб. : Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.

Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР; Ин-т языкознания. М. : Наука, 1976. С. 267-289.

Комуцци Л. В. Каковы педагогические возможности нарратива? URL: <https://www.opennar.com/single-post/2015/12/12>

Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: практическое пособие. Луцк: ЧП Гадяк Жанна Владимировна, типография «Волыньполиграф», 2012. 251 с.

Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). URL: https://methodological_terms.academic.ru/1298/

Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографич. учеб. пособие. К.: Фитосоциоцентр, 2002. 336 с.

Черник В. Б. Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01. Екатеринбург, 2002. 243 с.

Аннотация

Габидуллина А.Р. Методы педагогической лингвистики

В статье описаны методы исследования педагогического дискурса. Выбор метода определяется особенностями тексто-дискурсивных категорий – существенных признаков текста в составе дискурса. Дискурс как процесс изучается с помощью конверсационного анализа и этнографических методов. Активно используется интегративная методика дискурс-анализа. Методы исследования дискурса как продукта коммуникации – это контент-анализ, метод когнитивного картирования, нарративный анализ, контекстуально-интерпретационный метод.

Ключевые слова: учебно-педагогический дискурс, педагогическая лингвистика, дискурс-анализ, контент-анализ, метод когнитивного картирования, нарративный анализ, контекстуально-интерпретационный метод, конверсационный анализ, этнографические методы

Summary

Gabidullina A. R. Methods of Pedagogical Linguistics

Methods of research of pedagogical discourse are described in the article. The choice of the method is determined by the peculiarities of the textual-discursive categories that are the essential features of the text in a structure of discourse. Discourse as a process is studied by conversation analysis and ethnographic methods. Integrative method of discourse analysis is intensively used. Methods of research of discourse as a result of communication are content analysis, method of cognitive mapping, narrative analysis, context interpretative one.

Keywords: educational discourse, Pedagogical Linguistics, discourse analysis, content analysis, method of cognitive mapping, narrative analysis, context interpretative method, conversation analysis, ethnographic methods

Горан М. Максимовић
Универзитет у Нишу
Србија

ЕРОТСКО У ПРИПОВИЈЕТКАМА ИВА ЋИПИКА

1.0. Еротски доживљај свијета у приповијеткама Ива Ћипика (1869-1823), као и у најпретежнијем дијелу његовог књижевног дјела, смјештен је у медитеранско поднебље, а манифестује се кроз јединство природе и човјека: јадранског мора и сунца са тијелом и душом приморског човјека и жене. Будући да је био аутентични син Далмације, а послије Матавуља и њен истински приповједач, Ћипико је изнутра осјећао значај и снагу природе, као и нераскидиву везу приморског човјека са морем. „Његова интензивна ‘радост живота’, његова љубав према природи, ‘самилост’, саосећање са људима, јако социјално осећање, све то налази снажна израза у свим његовим делима“¹. Познато је да је живот Ћипикових књижевних јунака чврсто повезан са сунцем, морем, острвима и пјешчаним обалама. Море је за Ћипика било вјечити извор живота и надахнућа, а тачка хоризонта на којој су се спајали море и небо, истовремено представља и тачку на којој се Ћипиков јунак сусреће са вишим смислом живота и постојања. У томе је садржана и основна пишчева амбијентација да прикаже људе, њихове социјалне и

психолошке судбине, као и разнолике догађаје који се углавном дешавају на двије сцене: «Једна је Јадранско море са својим острвима и својим пејзажима; друга је Далмација са својим приморјем и загорјем».²

Ћипикова приповиједна слика мора у први план је поставила радости живота и уживања, тако да се на његовој позорници одигравају љубавне приче, кулминирају природне и неспутане страсти и нагони, а пјешчане обале и затони доживљавају се као простор створен само за слободну љубав. Ћипико је „још из детињства понео дубоку приврженост слободном неспутаном животу у природи и снажну симпатију према припадницима нижих сталежа, који се злопате за свакодневни хлеб”³. Зато страст према слободи и уживање у јединству са природом представља основно животно гесло Ћипикових књижевних јунака, тако да они «не робују ником него бојјем сунцу и својој лудој крви»⁴. Прави живот за Ћипикове јунаке могућ је и остварљив једино у природи, тако да они презиру конвенције и друштвене законе, ту се осјећају спутано и заробљено, а свом снагом желе што прије да се врате своме мору и обалама. Ћипико је у свим приповиједним текстовима наглашавао да «нема ништа љепше од природе, од слободног простора обасјаног свјетлом и у том слободном простору он је увијек хтио да види младо радосно тијело које живи свим чулима одједанпут»⁵.

Из свега наведеног видимо да је Ћипика као умјетника мотивисала истинска жудња за неспутаним животом, а морско приобаље и приморско загорје представљали су за њега истинске симболе те слободе. Нарочито је то препознатљиво у четири збирке приповједака: Са јадранских обала (Мостар, 1900), Са острва (Београд, СКЗ, 1903), Крај мора (Дубровник, 1913), Прељуб (Београд, 1914). Сродна су у томе и два романа: За крухом (Нови Сад, 1904) и Пауци (Београд, 1909).

Управо у таквом амбијенту формиран је и феномен еротског у Ћипиковим приповијеткама: «Чежња», «Антица», «На мору», «Крај мора», «Јелка», «Отргнут живот», «На догледу мора», «На

проштењу», «Чобани», «Прељуб» и слично. Ћипикове јунакиње и јунаци: Антица, Даринка, Иве, Кате, Јере, Јелка, Ивка, Марко, Јелица, Ивица, Петар и Божица; приказани су као једре, здраве, снажне, стасите и наочите дјевојке и младићи испуњени истинском чежњом за путеном љубављу и страсним загрљајима, пољупцима и тјелесним уживањима. Можда баш зато еротичност Ћипикових јунакиња и јунака долази до изражаја у природном амбијенту и недјелјива је од те исте природе: «Нема љубавних сцена које би се одиграле у загушљивим и спарним собама или тескобним градским улицама. Природа – пећине, заклонице, шумарци или колибице у виноградима – то су места где се љубав и еротика може, по Ћипику, несметано манифестовати.»⁶ Све је то веома блиско са русоовским доживљајем природе и слободног човјека, те са потпуним увјерењем да је «сексуални нагон нешто природно, чега се не ваља стидјети. Жене су створене ради љубави, али оне нипошто не постоје само ради задовољења мушкараца. И оне имају активно право на љубав, оне могу бирати своје љубавнике, могу их мијењати, ако им се свиди неко други»⁷.

1.1. Прелазак из 19. у 20. вијек, када је почео да ствара Иво Ћипико, обликује у књижевности и умјетности наглашено сензуалну, сексуалну и самоувјерену жену, која је поносна на обиљежја и предности свога пола и која жели да досегне потпуну слободу у остваривању љубавног-сексуалног избора и уживања. Наслањајући се на Фројдове и Јунгове психоаналитичке теорије о сексуалности, као снажној психичкој и тјелесној енергији која усмјерава човјеков живот, Жорж Батај је указао на постојање три облика ероса: «ерос тела», кога види окренутог према моћи и насиљу, «ерос срца», који је слободнији и који произлази из ероса тијела и представља страст у области моралне наклоности сједињавања тијела, као и «сакрални еротизам», кога описује као одсуство предмета жудње и самим тим немира, лишеног сваког осјећања, који представља пркошење смрти⁸. Батајев сакрални

еротизам заправо представља одсуство ероса као задовољства, а прави еротски доживљај повезује са сакралним искуством. Еротски тренутак је најснажнији кад је на врхунцу људског духа и када се налази у домену најсложенијег филозофског питања. Отуда се као најбоља дефиница еротског за Батаја намеће тврдња да је „еротизам потврђивање живота, чак и у смрти“⁹.

2.0. Управо на трагу наведених психоаналитичких погледа, феномен еротског Ђипико препознаје као моменат покретања животне енергије, која буди заспала чула, тако да то није само једноставна пожуда, већ својеврсно преиспитивање ума у трагању за чогицом живота и сопственог идентитета. У том смислу, веома је упечатљива Ђипикова «лична исповијест» исказана у приповиједи «Чежња», која је под насловом «Визија» била објављена 1898. године у сплитском листу Нови вијек, а потом је објављена «мјесто предговора» у збирци Приморске душе, у Загребу 1899. године. У њој је исказан пишчев аутопоетички став према еротском доживљају свијета, као и вјечита жудња за неспутаним, нагонским животом човјека у сагласју са природом. Исказане су и снажне пишчеве приповиједне преокупације женом, природом и морем. Повратак у приморски завичај и сусрет са морем и пјешчаним обалама, буди код приповједача сјећање на дјевојку из младости, а све то га наводи на узаврела осјећања: „Пуста морска пучина мами ме. Сиђох у затон, загледам се у обзорје. Нешто мислим, ну не знам о чему. Пред очима, у можданима, око себе и над собом, осјећам простор, крцат плаветнила, свјетла и живота. У њем ми тијело ишчезава; душа се од њега дијели, те се ш њиме истовјетује“¹⁰. Сјећање када су се као дјеча купали у мору, представља за њега најљепши моменат у животу: «На сунцу, мору, вјетру и киши уживасмо. По њивама, виноградима и шумама смуцали се цијели божји дан...“¹¹ Тиме Ђипико глорификује природу као једину истину, а њене законе као једина начела по којима би људи требало да се управљају. Све што долази из друштва: образовање, наука,

закони; води ка нарушавању природног поретка ствари, а самим тим гуше човјеково здравље и неспутани дух.

У том смислу можемо говорити о двије доминантне «еротеме», као «структурно-тематске јединице ероса»¹², у Ћипиковом приповиједном доживљају еротског. Прва еротема исказана је кроз «неспутани доживљаји еротског» или «апотеозу тијела и тјелесности» («Антица», «Прељуб», «Јелка», «На проштењу», «Чобани»). Друга еротема исказана је кроз «спутавање еротског» када јунаци постају «заточеници тијела и страсти» усљед различитих друштвених конвенција или несрећног сплета догађаја («На мору», «Крај мора», «На догледу мора», «Отргнут живот»). Први начин доживљаја еротског као неспутане апотеозе тијела у приповиједном дјелу Ива Ћипика можемо довести у везу са Батајевим «еросом тела» и «еросом срца», док други начин доживљаја еротског као спутавања тјелесности, можемо довести у везу са Батајевим «сакралним еротизмом».

2.1. Неспутани доживљај еротског и апотеоза тијела и тјелесних страсти проистичу из неспутане и здраве природне средине, а један од најупечатљивијих примјера проналазимо у приповиједи «Антица» (објављеној у Српском књижевном гласнику, у Београду, 1903. године), у карактеру истоимене Ћипикове јунакиње у којој је постигнута јединствена апотеоза природе са душом и тијелом. За Ћипикову Антицу би могли претпоставити и да је умјетничко оваплоћење «еротске љубави», у оном значењу који је том појму дао Ерих Фром, као «жудњи за потпуним стапањем, за сједињењем с другом особом»¹³. Тематски оквир приповијетке почива на приказивању судбине жене која живи по законима природе. Антица је истинска кћерка мора и неба, «мајка шкоља», а још у најранијем периоду одрастања, као чобанчица, први пут је осјетила спонтано и снажно уживање у тјелесним дјечијим играма: «А послје, кад сунце још јаче упали и голо чобанче тако прожиже, да му кожа на леђима пече, заклонили би се међу хриди, уживајући у благоме

хладу на влажноме жалу, испружени ногама у море, а мокре главе им се тичу. И онако испрани, осути посолицом, миришући на морску свјежину, уз вјечно крकोћење валића, играли би се ‘мужа и жене’»¹⁴.

Антица је порасла као сироче и усвојеница у сиромашној приморској породици, а затим је још као девојчица отишла да служи у домаћинству имућног сељака на полупустом острвцету гдје се живјело одвојено од строгих друштвених конвенција. У морском амбијенту, у складу са слободним законима природе, неспутано се препушта тјелесном уживању, снажним чулима и скривеним нагонима. Због свега тога љубав и страст постају њене једине потребе, а највеће задовољство је проналазила у дугим шетњама, купању у мору и сунчању, трчању по пјешчаним обалама, по ливадама и пашњацима, као и у дочекивању морнара и страсним тјелесним играма са њима. Природа и море су јој даровали слободу коју је удисала пуним плућима: „Она одскаче својом приликом од свега што живи на шкољу, а и подаље; очи су јој бистре и прозирне као чисто море над бијелим жалом на плитку, а коса јој је тамна и на сунцу се прелијева, и лијепо је увичила здраво јој лице»¹⁵.

Снажна повезаност Ђипикове јунакиње са шкољем још више је дошла до изражаја онога тренутка када се као петнаестогодишњакиња први пут суочила са животом у цивилизацији и када је у селу за свега три проведена дана схватила сву тјескобу и спутаност, што због лажних друштвених конвенција, извјештачености и искривљеног морала, а што због одвојености од непосредног природног амбијента, у овом случају мора и пјешчаних обала. Нешто слично спознала је и касније када је као Маркова супруга била изнова принуђена да живи у селу, али овога пута додатно спутана брачним границама које су гушиле њену неспутану природу и потребу за тјелесном и духовном слободом. Управо захваљујући тој њеној узаврелој крви и еротичности, које је најдубље осјећала у природи, на морским пјешчаним обалама, кроз обликовање карактера

јунакиње Антице, Ћипико је дубоко продро у најскривенији кутак социјалног поретка и разоткрио све његове маске, а институцију брака приказао као извор неслободе и спутавања еротске страсти и задовољства. Захваљујући управо том лажном систему вриједности које су биле присутне у друштву, у јунакињи се још снажније кристалишу чедна и невина еротска осјећања, тако да је приморана да их потискује и замјењује снажним осјећањем мајчинске љубави према својој дјеци.

Међутим, управо на примјеру ове Ћипикове јунакиње показало се да «еротизам омогућава да назремо наличје једне фасаде чија се беспрекорна спољашност никада не доводи у питање»¹⁶, тако да њено напуштање брачне заједнице, након што јој је муж трагично настрадао у олујном мору, те повратак у окриље природе на морски шкољ, представљају једину могућу одлуку особе која жели неспутану слободу. Такво слободно поимање живота, налази се у дубокој вези са анималном страном човјекове личности, а Античина љубавна страст и еротска енергија, као и чежња за снажним тијелима морнара и рибара, могли су бити у потпуности доживљени и остварени само у нетакнутој природи, на шкољу, уз мирис мора и шум таласа.

Антица је своје схватање живота пренијела и на своје седморо дјеце које је добила са различитим мушкарцима, али према којима се односила са подједнаком мајчинском љубављу и бригом. Чим су јој дјеца ојачала пустила их је да одлете у свијет као ластавице и да свако за себе пронађе своју слободу и срећу. На крају приповијетке, драматизовани приповједач са дивљењем сумира њен живот: „Њен цио живот гледам пред собом, и учини ми се тако једноставан и природан, да ми ништа пријекорно не паде на памет. И мислим: она се подала животу на вољу, па је он вјерно носио кроз цио вијек; она и не зна шта је трагика у живљењу, и проти вољи живота све јој је ситно и смијешно, а само смрт јака је, да јој живот уништи - и она, једино, старичина је трагика...“¹⁷

Приказујући живот и неспутану природу своје јунакиње, Ћипико је, између осталог, указао и на неумитну пролазност живота и младости, са поруком да младост морамо искористити што потпуније, јер ћемо у старости жалити за пропуштеним годинама. Антица, на крају приповијетке, са преко седамдесет година, живи онако како је одувijek жељела и осјећала, слободно и неспутано у загрљају са природом, а само је смрт била та непојамна сила која је могла спријечити у томе. Захваљујући свему томе, до краја је остала досљедна својој природи, неухватљива и самосвојна, са непролазном жудњом за слободном љубављу и неспутаним животом.

У приповиједи «Прељуб», која је објављена у Српском књижевном гласнику, а затим и истоименој збирци приповједака Прељуб, 1914. године, Ћипико приказује снажну еротску енергију јунакиње Цвете, која је природна и смјела, а свом снагом се бори за слободу и остварење запретаних младалачких страсти. Удата је против своје воље за старијег мушкарца Илију према коме није ништа осјећала, зато се одлучује на невјерство у браку и то са комшијом Павлом, мушкарцем који је будио у њој природну и неспутану страст још од дјечачких дана и са којим је осјећала најснажније еротске доживљаје. «И сваки пут кад га угледа у дворишту, где цепа дрва, чисто увиђа, да јој неће он лако из воље изаћи. Снажно и окретно маше сјекиром и мушки дахће код сваког ударца. Цвета га гледа, слуша ударце и подаје се грешним мислима... А подала се мислима и вољом њему још давно, кад су као чобани пазили заједно стоку»¹⁸. Ћипико тиме изнова мотивише тезу о томе да се еротске страсти и емоције најснажније утемељују још у раној младости и да их је током каснијег живота тешко потиснути или заборавити. Након што је Цветин муж Илија разоткрио ту прељубу и послао их на суд, Цвета и Павле су били осуђени да одлеже тронедељну затворску казну. Послије тога Цвета одлучује да потисне природни нагон и сексуалну жудњу за Павлом, да спута своју еротичност, те да се посвети породици, као и бризи о дјечи и мужу.

У појединим приповиједним заплетима Ђипико показује како и неспутана тјелесност и апотеоза страсти могу имати трагичне посљедице. У том смислу се може говорити и о облицима «еротске претераности» или «еротоманије», која се исказује кроз «сладострашће и разврат»¹⁹. У приповиједи «Јелка», која је први пут објављена у збирци Са острва (СКЗ, Београд, 1903. године), еротско је дато у споју са трагичним. Снажна љубав и неспутане еротске страсти дјевојке Јелке и младића Марка приказани су у јединству са природом. Дјевојка и младић одрастају и готово да нису свјесни како се њихова дјечија игра преображава у разблудну страст: «Вруће љето, са својим разблудним ноћима, затече их у најжешћем жеку младалачке сласти. Доље испод села, на жалу, кришом, у хармонији љетње ноћи, уз вјечити разговор мора и цвиљење попаца, као да у ваздуху непрестанце нешто дршће – славили су они свадбу љубави»²⁰. Препустивши се вихору страсти дјевојка остаје трудна, а младић одлази у царску војску. Средина осуђује дјевојку својим писаним и још више неписаним законима, јер је тиме нарушена лажна друштвена равнотежа и лицемјерни морал. На крају, Јелка окончава живот трагично, јер на порођају рађа мртво дијете, а затим и сама умире од посљедица тешког порођаја, а да јој нико, чак ни мајка, у посљедњим тренуцима не пружа руку утјехе и разумијевања.

У приповиједи «На проштењу», која је објављена у збирци Прељуб, 1914. године, приказано је како младић Марко и његова вјереница дјевојка Божица помамно играју на пољу, док поред њих пролази црквена литија на дан Светога Рока Чудотворца. Насупрот њихове страсне, тјелесне, младалачке игре, која указује на неспутану паганску снагу, свјежину и здравље, представљена је скучена и безлична маса свијета који је био спутан вјерским представа и догмама. «Марко навикао да своју цуру милује, обгрли је, диже се, повуче је за собом и бесно заигра. И бесвесно даље игра, и чини му се играо би тако три дана и три ноћи, кад га сласт вина, девојчин мирис и сунце до у душу прожиге и топлина њена живота осваја. Па онако

знојну, загријану, ко ће да му је из руку истргне?“²¹ Таква врста неспутане тјелесне страсти и слободе изазива снажну мржњу и негодовање код биготне гомиле, тако да окружују и каменују Марка на очиглед његове вјеренице и њене мајке, а затим настављају свој вјерски обред као да се ништа није десило. Тиме је Ћипико снажно потенцирао своје схватање о цркви као друштвеном злу, а о проповједницима као лицемјерима и дембелима који су живјели на рачун сеоске сиротиње, држећи је у незнању и религијској затуцаности. То је било у директној супротности са унутрашњом потребом Ћипикових јунака да живе слободно у потпуном јединству са природом и њеним слободним законима.

У приповиједи «Чобани», која је најприје објављена под насловом «У планини» у Летопису Матице српске 1912. године, а затим је под садашњим насловом прештампана у збирци Прељуб 1914. године, приказана је нагонска страна младалачких страсти и обузетост помахниталим инстинктима тијела. Еротски заплет између бијесног и дивљег младића Петра и једре и путене Божице додатно усложњен чињеницом да је Божица као одрасла и зрела дјевојка удата за петнаестогодишњег дјечака Богдана, који још увијек није имао снаге да задовољи њене еротске потребе и набујалу страст. Управо зато што је била жељна љубави и што је била вођена снажним еротским нагонима, Божица је почела тајно, док би чувала стадо коза, у пећини да се састаје и води љубав са Петром. Када је Богдан открио те њихове сусрете, љубомора почиње да га раздире и буди у њему нагон за осветом. То се управо и дешава на истом оном мјесту, крај угарака ватре у пећини, гдје се Божица састајала са Петром, тако што је Богдан позвао Божицу да уђу у пећину, а затим је у заносу еротоманије задавио њеним плетеницама.

2.2. Спутаване еротског подстакнуто је бројним разлозима, а најчешће строгим и често лицемјерним моралним конвенцијама непросвијећене средине, као и унутрашњим страховима јунака од учињеног тјелесног гријеха. То је дубоко повезано

и са наметнутим црквеним догмама које су заступале тезу да је уживање у животу, а поготово у тјелесним задовољствима, грешно и да друштво неминовно мора да изопшти све оне који почине такав преступ.

Ћипиков доживљај еротског у приповиједи «На мору», која је објављена у часопису Нада у Сарајеву 1900. године, истовремено је сагледан из мушке и женске перспективе, а ограничен је снажним друштвеним конвенцијама и класним разликама између актера неочекиваног љубавног искушења, које се одиграва на једном острвцу гдје су били принуђени да заноће због неочекиване морске олује. Мушка перспектива припада младом и снажном слуги Иву, који само што се био вратио са одслужења царске војске, а женска перспектива младој и бујној господарици Даринки. Еротски доживљај Ћипико мотивише и дионизијским сликама природе у љето, прожетим зрелим грођем и набубрелим смоквама, као и преливањем сунчаних зрака по плавој површини воде и по бијелим пјешчаним спрудовима, те Даринкиним уживањима у морском купању и сунчању. Жудња младе господарице Даринке за тјелесним задовољствима додатно је мотивисана и чињеницом да се још сјећала свог школовања у заводу код милосрдних сестара, «гдје је три године била жива закопана», те да је ослободивши своје тијело и душу манастирских стега и забрана, свом снагом уживала у поново освојеној слободи, у зрацима сунца и мирису мора и жудила за мушком снагом и додирима.

Кулминација еротског доживљаја одиграва се ноћу на острвцу гдје су двоје младих били принуђени да преноће јер их је неочекивана морска олуја одбацила од обале у вријеме када су отишли на пловидбу по затону на изричито Даринкино инсистирање. Узаврела крв главних протагониста кулминирала је управо у тој заједнички проведеној ноћи. Око устрепталих младих тијела лебдила је цијелу ноћ снажна страст и пожуда, али до непосредног спајања није дошло, јер су друштвене конвенције и сталешка разлика између слуге

и господарице биле снажније од природне пожуде. Због тога Ћипико еротска осјећања Даринке и Ива приказује у њиховим мислима. Посматрајући Ива док спава, Даринка гори од страсти и љубавне жудње, а у том сањарењу цијелим својим бићем се предаје измаштаном одабранику и жали што то није управо њен слуга Иво. Касније ће се улоге измијенити, тако да видимо како млади слуга, пошто се пробудио, посматра Даринку док спава и осјећа снажну жудњу док гледа њено бујно тијело: «Не може скинути ока с дјевојке, као да је опчињен. А она уздахну. Прси се подигоше; лице се разведрило. Момак очима продираше у пуни јој врат и мало раскривена њедра. Инстинктивно загледа се у кожу испод подбратка. Пред очима заблијешта му бјелина; завртило му се. Та бјелина мами га, ваби и засљепљује. Не може да издржи; маче се и пригне к њену лицу. Положи на њ главу. Долазило му је да је додирне цјеливом, али не усуђује се. Зна да је дјевица и да му је господарица...»²²

Ћипико није дозволио да његови јунаци прекораче границу, тако да је однос слуге и господарице остао неоскрнављен, али је са друге стране омогућио да се природна осјећања, младалачка страст и еротика, остваре у свом чедном и чистом облику. Жарка жеља за прекорачивањем границе није остварена али су баш у њој кулминирали еротика и страст јунака. Тиме је остварен један веома специфичан облик еротског доживљаја свијета који се одвија у мислима јунака, близак је са својеврсном предигром, а практично изазива снажније задовољство од непосредног сексуалног чина. «Како је слатко задржати жељу за прекорачивањем граница, али ипак не ићи до краја, не предузимати ништа. Како је слатко дуго остати пред предметом те жеље, остати жив у жељи уместо умрети препуштајући се пренагљеној жељи. Знамо да не можемо имати тај предмет што нас распаљује»²³.

У појединим приповијеткама Ћипиков слободни доживљај еротског у природном амбијенту мора, сунца и пјешчаних обала, повезан је са трагичним судбинама јунака. У приповијечи

«Крај мора», која је објављена у часопису Нада у Сарајеву 1898. године, тијело и тјелесне страсти јунака постају њихов трагички усуд, а они сами и несвјесно постају заточеници својих снажних страсти и љубавне жудње. Двоје младих, Кате и Јере, још од дјетињства су усмјерени једно на друго и тако се рађа снажна љубав међу њима, а са љубављу и снажне страсти и еротски доживљаји који су дати у нераскидивом јединству са животом природе. Тек процвала два млада тијела чезну једно за другим, а њихове неспутање и искрене еротске страсти још више распирује разиграна, миришљава и свијетла медитеранска природа. Управо због те наглашене спонтаности, у Ћипиковим еротским сликама нема ничега извјештаченог и ружног, нема порнографског и бизарног. Окружени природом Ћипикови јунаци су потпуно обнажени и тек помало осјећају срам једно пред другим. Док кришом посматра младог Јера и његово извајано обнажено тијело приликом купања у мору, Кате постаје потпуно свјесна своје снажне еротске енергије и женске жудње. Управо у том спонтаном обнаживању док се купају у мору и сунчају на морској обали Ћипикови јунаци у потпуности отварају своја бића и кидају све границе, било да су оне психолошке, моралне или било које друге природе. Тиме се изнова потврђује претпоставка да је обнаживање специфично стање општења два бића, игра страсти и позив на уживање у страстима, једна аутентична еротска предигра, која уводи јунаке у снажан сексуални однос и мистерију оргазма.

Чињеница је да у Ћипиковим приповијеткама значајан број јунака избор свог еротског партнера остварује још у инфантилном периоду. Тако су и Кате и Јере одрасли заједно, а прве еротске доживљаје и плотску жудњу и страст, спознали су потпуно спонтано и несвјесно кроз дјечију игру у природи. У годинама ране младости, са уласком у пубертет, Ћипикови јунаци доживљавају потпуни преображај тако да се негдашња спонтана игра преображава у снажну еротску жудњу. Слободни и пуни живота, Кате и Јере, под ведрим небом лете једно

другом у загрљај, а ту на морској обали као сатир и сатирица играју свој љубавни плес: «Обоје су знојни и румени, вода им низ лице капље. Њена црна коса прилијепила се уз слијепе очи. Сва је сустала. Грудима као да је тијесно. Срце ће да им искочи»²⁴.

Тиме се још једном наглашава пишчева идеја да чиста осјећања и неспутане еротске страсти, егзистирају само у нетакнутој природи ослобођеној цивилизацијских канона и конвенција. Ћипико дубоко наглашава да све оно што је чисто долази из природе, те да је добар човјек природан човјек. Клице зла налазе се у човјеку затрованом цивилизацијом и извитопереним друштвеним законима и односима. Када се зао човјек умијеша у такву природну идилу, какву су доживјели Кате и Јере, она мора бити угрожена и насилно прекинута. У овом примјеру, као инкарнација зла појављује се јунак Перо Бегин, који својим ниским страстима и похотљивошћу раскида чисту љубав двоје младих. Унесређена Кате, пошто је заувјек изгубила вољеног Јера, кога је у тренутку љубоморе убио Перо Бегин, утјеху проналази у снажним успоменама и жудњи за вољеним младићем.

За Ћипика су умјетничке слике еротског и доживљаји снажних тејесних страсти само пут за разумијевање унутрашњег човјековог бића. Полазећи од тијела и нагона, од непрестане растрзаности између духовног и тјелесног, долазимо до човјекове душе. Управо на такав начин је обликован карактер јунакиње Ивке из приповијетке «На догледу мора», која носи у себи истовремено спонтану похоту и чедност. «Она истовремено буди пожуду, али нагони и на сањарење. Има у њеној појави споја еротике и нечег дубоко поетског».²⁵ Приповијетка је први пут објављена у Српском књижевном гласнику, 1914. године, а затим је исте године прештампана и у збирци приповједака Прељуб. Нарочито се то јединство похоте и чедности испољава у приказу Ивкиног односа према младићу Марку, у љубави која је истовремено страсна и чедна, пуна пожуде и невиности, еротске жудње и дјевичанске светости. У тој распетости између

природних нагона и хришћанских врлина, Ћипико приказује како се јунакиња у првом дијелу приповијетке препушта маштању о страстима и тјелесним задовољствима, док се у другом дијелу приповијетке, након што је тешко обољела од туберкулозе, окреће контемплацији и духовној љубави. Окренувши се Богу и Дјевици, јунакиња проналази свој изгубљени мир, а негдашњу снажну тјелесну страст преусмјерава у сфере обоготворене духовности. Тиме Ћипико брише границе између еротског и божанског, настојећи да покаже како је еротска страст, као и религијски доживљај, обавијен велом мистике, те како сваки од њих захтијева повлачење у самоћу и како сваки на свој начин представља врхунац људског духа. И еротско и божанско пружају иста осјећања, која нам доносе мир, испуњење, блаженство, задовољство, спокој и духовност.

Сличне фаталне посљедице необузданих чула и еротских нагона доживљавају и дјевојка Јелица и младић Ивица у приповијети «Отргнут живот», која је први пут објављена у Српском књижевном гласнику 1911. године, а затим је прештампана исте године и у збирци приповједака Крај мора у Дубровнику. Разуздани младић који је опсједао и сексуално узнемиравао сеоске дјевојке, заслијепљен похотом приликом једног случајног сусрета у природи, силовао је невину дјевојку. Средина нема никакво разумијевање за обешчашћену Јелицу, нема то ни њена породица, проглашавају је блудницом и прогоне у град како њен примјер не би слиједиле друге сеоске дјевојке. У једном тренутку након познанства и љубави са младићем Марком, Јелица је била на путу да се спаси и започене нормалан и срећан живот. Међутим, пошто је одбачена и тада, јер младић није имао снаге да превлада друштвене предрасуде кад је сазнао за Јеличину прошлост, а уз то је остала и трудна, несрећна млада жена је потпуно уништена. Тако сурово одбачена, презрена и преварена, Јелица је у граду препуштена суровој судбини и заувјек пада у канџе проституције. Тиме је изнова потенцирана Ћипикова идеја да је човјек у својој природи добар,

а да га у просторе зла гура безобзирно и лицемјерно друштво и његове лажне моралне норме и ограничења. То се управо и десило несрећној Јелици. Неодговорни појединци су је најприје морално уништили, а затим су у граду злоупотребљавали њену социјалну угроженост и жудњу за искреном љубављу и њежношћу. На све то друштво је реаговало својим суровим и лицемјерним поступцима и још дубље је нагнало у морално посрнуће, а онда је осудило као неморалну и разблудну особу иако то она у своме бићу није била. На крају приповијетке видимо како се ова млада и несрећна особа, морално одбачена и већ тешко болесна, принудно враћа у село, гдје изопштена и презрена чека смрт као једино спасење и утјеху.

3.0. На страницама Ћипикове приповиједне прозе јасно се могу уочити спољашњи и унутрашњи фактори који имају пресудну улогу у приказивању еротских доживљаја и осјећања. Укрштајући спољашње и унутрашње елементе, Ћипико је обликовао умјетничку филозофију еротског, која почива на апотеози природних закона и увјерењу да човјек мора живјети слободно и повиновати се сопственим нагонима и чулима ако жели да спозна стварну своју природу и досегне до стварног смисла живота. Оно што је у књижевном смислу најважније, Ћипико је успио да препозна ону неопходну умјетничку границу и не пређе у просторе приземног исказивања еротике, а да истовремено искаже разноврсне еротеме у којима се доживљај еротског исказује и као неспутана апотеоза тијела, али и као спутавање тјелесности и гушење страсти и жеље за уживањем. Захваљујући свему томе Ћипико је показао да нема ничега љепшег у човјековом животу од љубави и страсти која је неспутана и неупрљана разним спољашњим околностима. Тиме је само потврђено како је живот медитеранског човјека, упркос разним забранама, био прожет природним амбијентом и неспутаним еротским страстима. Феномен еротског Иво Ћипико препознаје као моменат покретања животне енергије

која буди заспала чула и рационалну свијест. Отуда у његовим приповијеткама еротско није приказано само као једноставна пожуа, већ и као својеврсно преиспитивање бића у трагању за смислом живота, за сопственим идентитетом, те за суштином људског постојања уопште.

Литература

БАТАЈ 1980: Жорж Батај, Еротизам, превео Иван Чоловић, БИГЗ, Београд.

ДЕРЕТИЋ 2001: Јован Деретић, Кратка историја српске књижевности, треће, прерађено и допуњено издање, Светови, Нови Сад.

ДУЧИЋ 1969: Јован Дучић, «Иво Ћипико», Моји сапутници, Сабрана дјела Јована Дучића, књига четврта, приредио: Живорад Стојковић, Библиотека «Културно наслеђе», Свјетлост, Сарајево, с. 132-139.

ЕПШТЕЈН 2011: Михаил Епштејн, *Sola amore*, превела Амра Латифић, Конрас, Београд.

ЈОВАНОВИЋ 1980: Миљко Јовановић, Иво Ћипико – живот и дело, Градина, Ниш.

КОРАЋ 1987: Станко Кораћ, Природно стање свијести у Ћипиковом дјелу, Дечје новине, Горњи Милановац.

ЛАЗАРЕВИЋ 1966: Бранко Лазаревић, «Иво Ћипико», Епоха реализма, приредио Миодраг Протић, Нолит, Београд, с. 337-379.

МОРУС 1961: Ричард Левинсон Морус, Хисторија сексуалности, превео Драгутин Перковић, Зора-Напријед, Загреб.

СКЕРЛИЋ 1967: Јован Скерлић, Историја нове српске књижевности, Сабрана дела Јована Скерлића, књига тринаеста, приредио: Мидхат Бегић, Просвета, Београд.

ЋИПИКО [б. г.]: Иво Ћипико, «Чежња», Целокупна дјела, књига прва и књига друга, приредио Хенрик Барић, Народна просвета, Београд.

ФРОМ 2005: Ерих Фром, Умеће љубави, превела Дејана Дачовић, Моно и Мањана, Београд.

Примедбе

1. Јован Скерлић, Историја нове српске књижевности, Сабрана дела Јована Скерлића, књига тринаеста, приредио: Мидхат Бегић, Просвета, Београд, 1967, стр. 460.

2. Бранко Лазаревић, “Иво Ћипико”, Епоха реализма, приредио Миодраг Протић, Нолит, Београд, 1966, стр. 337.

3. Јован Деретић, Кратка историја српске књижевности, треће, прерађено и допуњено издање, Светови, Нови Сад, 2001, стр. 216.

4. Јован Дучић, “Иво Ћипико”, Моји сапутници, Сабрана дјела Јована Дучића, књига четврта, приредио: Живорад Стојковић, Библиотека “Културно наслеђе”, Свјетлост, Сарајево, 1969, стр. 137.

5. Станко Кораћ, Природно стање свијести у Ћипиковом дјелу, Дечје новине, Горњи Милановац, 1987, стр. 5.

6. Миљко Јовановић, Иво Ћипико – живот и дело, Градина, Ниш, 1980, стр. 55.

7. Ричард Левинсон Морус, Хисторија сексуалности, превео Драгутин Перковић, Зора-Напријед, Загреб, 1961, стр. 227.

8. Жорж Батај, Еротизам, превео Иван Чоловић, БИГЗ, Београд, 1980, стр. 297.

9. Исто, стр. 15.

10. Иво Ћипико, “Чежња”, Целокупна дјела, књига прва, приредио Хенрик Барић, Народна просвета, Београд, [б.г.], стр. 13.

11. Исто, стр. 14.

12. Михаил Епштејн, *Sola amore*, превела Амра Латифић, Конрас, Београд, 2011, стр. 51.

13. Ерих Фром, Умеће љубави, превела Дејана Дачовић, Моно и Мањана, Београд, 2005, стр. 68.

14. Иво Ћипико, “Антица”, књига прва, нав. дјело, стр. 311.

15. Исто, стр. 316.

16. Жорж Батај, нав. дјело, стр. 123.

17. Иво Ћипико, “Антица”, нав. дјело, стр. 354.

18. Иво Ћипико, “Прељуб”, књига друга, нав. дјело, стр. 95.

19. Михаил Епштејн, нав. дјело, стр. 65.

20. Иво Ћипико, “Јелка”, нав. дјело, књига, прва, стр. 362.

21. Иво Ћипико, “На проштењу”, нав. дјело, књига друга, стр. 193.
и 195.
22. Иво Ћипико, “На мору”, нав. дјело, стр. 210.
23. Жорж Батај, нав. дјело, стр. 161.
24. Иво Ћипико, “Крај мора”, нав. дјело, стр. 70.
25. Миљко Јовановић, нав. дјело, стр. 232.

Максимовић М. Г.: Еротско у приповијеткама Ива Ћипика

Феномен еротског у приповиједним текстовима Ива Ћипика (1869-1923) сагледан је на примјеру његових репрезентативних дјела из медитеранског поднебља. У том смислу издвојене су двије доминантне «еротеме»: прва је исказана кроз «неспутани доживљаји еротског» или «апотеозу тијела и тјелесности» («Антица», «Прељуб», «Јелка», «На проштењу», «Чобани»); а друга кроз «спутавање еротског» када јунаци постају «заточеници тијела и страсти» усљед различитих друштвених конвенција или несрећног сплета догађаја («На мору», «Крај мора», «На догледу мора», «Отргнут живот»). Феномен еротског Иво Ћипико препознаје као моменат покретања животне енергије која буди заспала чула и рационалну свијест. Отуда у његовим приповијеткама еротско није приказано само као једноставна пожуда, већ и као својеврсно преиспитивање бића у трагању за смислом живота, за сопственим идентитетом, те за суштином људског постојања уопште.

Кључне ријечи: модерна књижевност, приповијетка, еротско, ерос, еротизам, еротеме, идентитет.

Summary

Maksimović M. G.: Erotic in Ivo Ćipiko Stories

The phenomenon of erotic in the narrative texts of Ivo Ćipiko (1869-1923) is examined on the example of his representative works from the Mediterranean region. In this sense, two dominant “erotems” are singled out: the first is expressed through the “unfettered experiences of the erotic” or “apotheosis of body and body” (“Antica”, “Preljub”, “Jelka”, “Na proštenju”, “Čobani”); and the other through the “erosion of erotic” when heroes become “prisoners of bodies and passions” due to various social conventions or an unlucky web of events (“Na moru”, “Kraj mora”, “Na dogledu mora”, “Otrgnut život”). The phenomenon of the erotic Ivo Ćipiko is recognized as the moment of the launching of life energy that arouses the sleeping sensation and rational consciousness. Hence, in his stories, eroticism is not only shown as simple lust, but also as a sort of questioning of beings in the search for the meaning of life, for their own identity, and for the essence of human existence in general.

Key words: modern literature, narrative, erotic, eros, eroticism, eroticism, identity.

Анна Бессонова

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний
університет» Горлівський інститут іноземних мов
Україна

ЖАНР ОБЪЯСНЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Для научно-популярного дискурса на лингвистическую тематику, наряду с использованием жанра дефиниции также будет характерным применение жанр объяснения, так как зачастую для адресата-неспециалиста элементарное дефинирование может оказаться недостаточным.

В методологии науки объяснение рассматривается как познавательная процедура, направленная на обогащение и углубление знаний о явлениях реального мира посредством включения этих явлений в структуру определенных связей, отношений и зависимостей, дающей возможность раскрыть существенные черты данного явления. В принципе предметом объяснения может быть реальность любого вида в любых ее проявлениях и на любом уровне ее выражения в системе научного знания. В структуре объяснения как познавательной процедуры можно выделить следующие элементы: 1) исходное знание об объясняемом явлении (т.н. экспланандум); 2) знания, используемые в качестве условия и средства объяснения, позволяющие рассмотреть объясняемое явление в контексте определенной системы или структуры (т.н. основания

объяснения, или, эксплананс); 3) познавательные действия, позволяющие применить знания, выступающие в качестве оснований объяснения, к объясняемому явлению. [4].

Такое понимание объяснения дает основания считать, что применительно к научно-популярному дискурсу данный жанр может являться одним из основных, поскольку преследует схожие цели, а именно – обогащение и углубление знаний, ведь в этом и заключается задача популяризации науки.

В современной педагогике объяснение относят к словесным методам обучения, который подразумевает монологическую форму изложения материала для обоснования определенного положения, раскрытия явления и другой информации [2].

Обращаются к объяснению и исследователи в области лингвистики. Так, изучая структуру учебно-педагогического дискурса А.Р. Габидулина отмечает, что объяснение нацелено на создание у адресата-учащегося научного мировоззрения, на приобретение знаний по предмету, на развитие творческого мышления. Основные функции данного жанра – информационная (дает ученикам необходимые сведения), стимулирующая (пробуждает интерес к теме, призывает изучать другие источники), воспитывающая и развивающая (дает оценки явлениям, вырабатывает культуру мышления) [3, с. 280].

Как видим, жанр объяснения рассматривается учеными в различных областях науки. Отталкиваясь от имеющихся исследований объяснения, а также специфики исследуемого дискурса, постараемся охарактеризовать жанр дефиниции в научно-популярном дискурсе. Для начала нелишним будет рассмотреть и сопоставить его с наиболее близкими типами дискурса – научным и учебно-научным.

«В предложениях Сегодня к нам придут артисты? И разве сегодня к нам придут артисты? Спрашивается об одном и том же, но во втором предложении выражен в вопросе дополнительный оттенок значения с помощью частицы разве –

неуверенность, сомнение, а именно: «приезд артистов, кажется, следует ждать не сегодня» [6, с. 164].

«*Question tags are short questions that can follow sentences, especially in spoken English. We make questions tags with auxiliary verb (have, be, can etc.)+pronoun (I, you etc.). We use question tags to ask if something is true or to agree with us*» [9, с. 266]. (Разделительные вопросы - это короткие вопросы, которые могут следовать за предложениям, особенно в разговорном английском языке. Мы образуем разделительные вопросы: вспомогательный глагол (*have, be, can etc.*) + местоимение (*I, you etc.*). Мы используем разделительные вопросов, чтобы спросить, верно ли что-то или чтобы с нами согласились)

Так, вместе с дефиницией: «Частица – служебная часть речи, которая вносит в предложение различные оттенки значения или служит для образования форм слова», «*Question tags are short questions that can follow sentences*» в учебно-научном дискурсе используется объяснение, которое применяется для предоставления дополнительной уточняющей, иллюстративной, разъяснительной информации. Следует отметить, что в данном типе дискурса жанр объяснения реализуется в достаточно лаконичной форме. Кроме того, поскольку задача здесь – обеспечить и проконтролировать усвоение материала, объяснение будет сопровождаться упражнениями, целью которых будет тренировка, закрепление и др. в зависимости от целей урока.

Предлагаем рассмотреть несколько примеров из дискурса собственно научного.

«В классе частиц объединяются неизменяемые незначаменные (служебные) слова, которые, во-первых, участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); во-вторых, выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки

сообщения или отдельных его частей; в-третьих, участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; в-четвертых, характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления» [5, с. 722].

«Однако отсутствие резкой грани между наречием и частицей обнаруживается здесь в том, что в первом предложении с наречием в о т (так же, как и с в о н) связано значение непосредственного указания, обязательно совпадающего с моментом речи; именно поэтому в это предложение не могут быть введены показатели прош. или буд. вр.: б ы л а, б у д е т» [5, с. 730].

«People often think of grammar as a matter of arbitrary pronouncements (defining 'good' and 'bad' language), usually negative ones like "There is no such word as ain't" or "Never end a sentence with a preposition." Linguists are not very interested in this sort of bossiness (sometimes called prescriptivism). For linguists, grammar is simply the collection of principles defining how to put together a sentence» [8]. (Люди часто думают о грамматике как о произвольных высказываниях (определяющих «хороший» и «плохой» язык), обычно отрицательные, такие как «Нет такого слова, как нет», или «Никогда не заканчивать предложение с предлогом». Лингвисты не очень заинтересованы в такого рода bossiness (иногда называемом prescriptivism). Для лингвистов грамматика - это просто набор принципов, определяющих, как составить предложение).

В данном случае объяснение основано на перечислении и описании функций, сравнении, примерах. Здесь также очевидна ориентация на подготовленного адресата, имеющего определенные знания в данной области, которая обуславливает наличие специальной лексики: субъективно-модальные характеристики, сослагательности, незначительные, а *matter of arbitrary pronouncements, prescriptivism* и др., сложных

грамматических конструкций (таких как сложноподчиненные предложения, причастные обороты), тезисной подачи материала.

А вот примеры использования жанра объяснения в дискурсе научно-популярном.

«Частицы можно назвать всякой всячиной языка, ведь они так разнообразны и разнородны. Объединяет их одно: они привносят в предложение то или иное дополнительное значение, каждая свое. Некоторые частицы выражают отношение говорящего к его высказыванию: усиленное утверждение (Все ведь знали о предстоящих экзаменах); отрицание (Корабли не пройдут по северным морям)...» [7, с. 202].

«*The linguistic literature abounds with metaphors trying to capture the significance of grammar. Grammar is said to be at the very “heart” of language, at the “core” of communication. It is seen as the key to our understanding of the way meaning is expressed and interpreted. It has been called the “skeleton” of narrative and the “touchstone” of verbal humor.<...> enables us to generate an infinite number of sentences* [10, с. 233]. (Лингвистическая литература изобилует метафорами, пытаясь понять значение грамматики. Говорят, что грамматика находится в самом «сердце» языка, в «ядре» общения. Это рассматривается как ключ к нашему пониманию того, как смысл выражается и интерпретируется. Ее называют «скелетом» повествования и «пробным камнем» вербального юмора. <...> позволяет нам генерировать бесконечное количество предложений)».

Данные примеры, взятые из научно-популярного дискурса, показывают, что для жанра объяснения здесь характерной будет ориентация на реципиента-неспециалиста, а также элементы художественности. Объясняя лингвистическое явления, обогащая кругозор адресата, автор делает это в непринужденной и максимально доступной форме. Автор не оперирует специальной лексикой, а наоборот объясняет грамматическое явление «простыми словами»: всякая

всячина, выражают отношение и др, которые будут доступны и понятны даже тем читателям, которые не имеют каких-либо фоновых/предварительных знаний в той или иной области. Говоря о художественности научно популярного дискурса, то она реализуется здесь с помощью лексических средств, например метафор: *the very "heart" of language, the "core" of communication, и др.*, а также разговорных выражений: всячиной языка.

Таким образом, можем отметить, что использование жанра объяснения в том или ином типе дискурса будет иметь свои характерные особенности. Кроме лексических особенностей, следует также отметить и прагматические, а именно – интенция автора в научно-популярном дискурсе – изложить материал в доступной форме, мотивировать дальнейшее изучение явления, заинтересовать и объяснить, для научного дискурса – обосновать данные, мотивировать для дальнейшего осуществления исследовательской работы, истолковать основные принципы того или иного явления, для учебно-научного – объяснить и проконтролировать усвоение информации, умение применять правила на практике.

Таким образом, жанр объяснения в научно-популярном дискурсе представляется как эпистемический жанр, нацеленный на предоставление информации адресату-неспециалисту, предоставление пояснений в доступной форме с тем, чтобы обеспечить понимание и вызвать интерес к дальнейшему изучению материала.

В основе жанра объяснение может лежать:

- перечисление функций того или иного лингвистического явления или феномена «... *Elle ne doit pas s'intercaler entre un sujet et un verbe ni entre un verbe et son complément d'objet direct. En revanche, une incise escortée de ses deux virgules peut s'introduire entre ces différents groupes*» (Она (запятая) не ставится между существительным и глаголом, между глаголом и его прямым дополнением. Однако, отрывки, сопровождаемые двумя

запятими, могут находиться между этими разными группами) [11, с. 178] «Поділ тексту на абзаци полегшує його сприйняття, дає змогу виділити в ньому суттєві моменти і, зрештою, надає йому певного забарвлення. Зокрема, текст, поділений на дрібніші абзаци, справляє в основному враження швидшої й напруженішої дії, ніж текст, поданий великими абзацами. І навпаки, коли автор хоче передати щось повільне й гнітуче, він і абзаци робить важкими» [1];

- описание причинно-следственных связей «Висловлювання творяться в усній формі, навіть якщо вони не промовляються вголос. А будь-яке усне мовлення супроводиться певними паузами, інтонацією, які передають емоційно-вольовий стан мовця, його ставлення до сказаного, надають різних смислових відтінків висловлюванню, а також членують мовленнєвий потік на частини відповідно до змісту. Цього не можуть передати букви. Тому для приблизного відтворення інтонації на письмі вживають розділові знаки: крапку, кому, тире, двокрапку, крапку з комою тощо. Вони полегшують сприймання й правильне розуміння написаного» [1];

- демонстрация сходства и различия «Запятую ставят, когда хотят сказать: «Я еще не закончил свое сообщение, читайте дальше». С одной стороны, запятая противопоставлена точке (сообщение не закончено), с другой – многоточию (пишущий не намерен прерывать свое сообщение). Запятые – это своеобразные крючки, за которые цепляются связанные воедино замыслом автора текста фрагменты предложения» [7, с. 235]. «Як і прийменники та сполучники, частка не має повного значення слова, але, на відміну від них, не виконує синтаксичних функцій у реченні: не виражає залежності одного слова від іншого; не сполучає однорідні члени або частини речень. Призначення частки — надавати слову або реченню певних смислових або граматичних значень»[1].

Кроме того, данный жанр зачастую сопровождается примерами. Если объяснение строится вокруг функций того или

иного явления, то для него будет характерным использование глагольных форм, передающих действия (полегшуют, выражают и др.)

Анализируя примеры применения жанра объяснения в разных типах дискурса, следует отметить, что данный жанр может реализовываться посредством нескольких предложений, равно как и нескольких страниц. Такая особенность говорит о том, что объяснение можем являть собой как микро- так и макрожанр. Следовательно, как макрожанр, он может иметь микрожанры в своей структуре, чаще всего это могут быть экземплификации (примеры), краткие определения, встраиваемая этимологическая справка.

ЛИТЕРАТУРА

Офіційний сайт української мови. Режим доступу: ukrainskamova.com/publ/chinnij_pravopis/sintaksis_i_punktuacija/punktuacija_rol_i_znachennja/7-1-0-158

Ягупов В.В. Педагогіка: Навч. посібник / В.В. Ягупов – К.: Либідь, 2002. – 560 с.

Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие (на примере школьного предмета «Русский язык»): дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Габидуллина Алла Рашатовна. — Донецк, 2010. — 417 с.

Объяснение. Электронная библиотека [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b3e4f487b73bea51af47>

Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Глав. ред. Шведова Н.Ю. – М.: Наука, 1980. — 789 с.

Русский язык. 5 класс: [учебник] / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др. – М.: Просвещение, 2012. – 277 с.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта+, 1998. – 704 с.

Linguistic society of America. Режим доступу: <https://www.>

linguisticsociety.org/resource/grammar .

Swan, Michael. *The Good Grammar Book* / Michael Swan. – Oxford University Press.

The Cambridge encyclopedia of the English language. – Cambridge University Press, 2004. - 499 p.

Christine Bolton / *Essentiel des pièges et difficultés de la langue française pour les Nuls Éditions/ Publié en accord avec Wiley Publishing, Inc.*, 2014

Аннотация

А. С. Бессонова: Жанр объяснения в различных типах дискурса
В статье рассмотрены примеры использования жанра объяснения в научно-популярном, научном и учебно-научном дискурсах, выделены отличительные особенности функционирования данного жанра в научно-популярном дискурсе. Автором статьи предпринята попытка определения жанра объяснения в научно-популярном дискурсе. Мы рассматриваем жанр объяснения как эпистемический жанр, нацеленный на предоставление информации адресату-неспециалисту, предоставление пояснений в доступной форме с тем, чтобы обеспечить понимание и вызвать интерес к дальнейшему изучению материала. В статье также рассмотрены некоторые особенности (лексические, прагматические) реализации данного жанра в научно-популярном дискурсе. На материале нескольких языков (английский, украинский, русский, французский) предпринята попытка характеристики научно-популярного дискурса.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, жанр объяснения, микрожанр, макрожанр, лексические особенности, интенция.

Анотація

А.С. Безсонова: Жанр пояснення в різних типах дискурсу

У статті розглянуті приклади використання жанру пояснення в науково-популярному, науковому та навчально-науковому дискурсах, виділені відмінні риси функціонування даного жанру в науково-популярному дискурсі. Автором статті здійснено спробу визначення жанру пояснення в науково-популярному дискурсі. Ми розглядаємо жанр пояснення як епістемічний жанр, націлений на надання інформації адресату-неспеціалісту, надання пояснень в доступній формі з тим, щоб забезпечити розуміння і викликати інтерес до подальшого вивчення матеріалу. У статті також розглянуто деякі особливості (лексичні, прагматичні) реалізації даного жанру в науково-популярному дискурсі. На матеріалі декількох мов (англійська, українська, російська, французька) зроблена спроба характеристики науково-популярного дискурсу.

Ключові слова: науково-популярний дискурс, жанр пояснення, мікрожанр, макрожанр, лексичні особливості, інтенція.

Abstract

A.S. Bessonova: The genre of explanation in different types of discourse

The article shows the examples of using the explanation genre in science popular, scientific and educational scientific discourses, distinctive features of functioning of this genre in science popular discourse are singled out. The author of the article made an attempt to determine the explanation genre in science popular discourse. We consider the genre of explanation as an epistemic genre aimed at providing information to a non-specialist, presenting explanations in an accessible form in order to provide insight and interest in further study of the material. The article also considers some features (lexical, pragmatic) of the implementation of this genre in science popular discourse. On the material of several languages (English, Ukrainian, Russian, French) an attempt has been made to characterize the science popular discourse.

Key words: science popular discourse, explanation genre, micro-genre, macro-genre, lexical features, intention.

Ірина Архіпова

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний
університет» Горлівський інститут іноземних мов
Україна

АВТОРЕФЕРЕНЦІЯ АВТОРСЬКОГО ВІДСТУПУ В АНГЛОМОВНИХ ХУДОЖНІХ ПРОЗОВИХ ТЕКСТАХ ХІХ-ХХ СТ.

Специфіка художнього тексту полягає, передусім, у тому, що автор, забезпечуючи читачеві нове пізнання світу, одночасно передає і своє ставлення до зображуваного, організовуючи текст особливим чином і добираючи мовні засоби, що матеріалізують роль автора в тексті відповідно до його художнього задуму [1, с. 262]. Роль автора у створенні як художнього тексту в цілому, так і авторського відступу зокрема, поза сумнівом, велика. Прагматична установка автора і в тексті, і у відступах, спрямована на те, щоб максимально забезпечити бажаний результат, тобто донести інформацію, бути адекватно зрозумілим [5].

Референційна співвіднесеність змальованої у тексті ситуації з дійсністю проявляється, у першу чергу, через змістовну проблематику твору. Під референцією сучасна лінгвістика розуміє співвіднесену мовних виразів з дійсністю [2, с. 26]. З точки зору Дж. Серля, у художньому тексті діють дві референції – «істинна» і «удавана» [8]. «Удавана» референція відносить

читача до вигаданих об'єктів і персонажів; у рамках «істинної» референції ми маємо справу з реальними людьми і об'єктами (реальний Лондон, реальний Гайд-Парк і так далі).

П. Зиман, Б. Хрушовський під референційними відношеннями розуміють «будь-який континуум з двох і більше референтів, до якого частини тексту або їхні інтерпретації можуть відноситися: безпосередньо відсилаючи або просто згадуючи і натякаючи» [4, с. 12; 9, с. 257 – 298]. Услід за П. Зиманом і Б. Хрушовським ми вважаємо, що референтами можуть виступати предмети, люди, якості, факти, ситуації, події, ідеї і тому подібне [9, с. 260]. Розгляд референційних зв'язків художнього твору обумовлює пошук референтів не на рівні слів, а на рівні дискурсу [9, с. 261]. Як відзначає І. Кросман, «референція має місце в ситуації або контексті» [3, с. 89].

З такої позиції ми розглядатимемо авторські відступи за їхньою референтною співвіднесеністю з тією або іншою дійовою особою, подією, ситуацією спілкування, описуваною у тексті. На нашу думку, референтом авторського відступу є ситуація у тексті, тоді як референтом тексту є ситуація об'єктивної дійсності.

Теоретично, кількість одиниць, які коментуються у тексті, безмежна. Кожен член речення може стати референтом авторського відступу, також референційна інтерпретація може впливати з авторського знання про світ у цілому. У ході дослідження, ми дійшли висновку, що основними критеріями визначення співвіднесеності авторського відступу з текстом виступають такі:

– *Прагматичний критерій*, коли вибір автором об'єкту, якому буде адресований авторський відступ, визначається інформаційно-сисловою значущістю цього об'єкта для цього контексту, для правильного сприйняття ситуації адресатом.

Наведемо як ілюстрацію цієї тези фрагмент, у якому ми виділили авторський відступ:

“I did not know why Strickland had suddenly offered to show them (pictures) to me. I welcome the opportunity. A man’s work reveals him. In social intercourse he gives you the surface that he wishes the world to accept, and you can only gain a true knowledge of him by inferences from little actions, of which he is unconscious, and from fleeting expressions, which cross his face unknown to him. Sometimes people carry to such perfection the mask they have assumed that in due course they actually become the person they seem. But in his book or in his picture the real man delivers himself defenceless. His pretentiousness will only expose his vacuity. The lath painted to look like iron is seen to be but a lath. No affectation of peculiarity can conceal a commonplace mind. To the acute observer no one can produce the most casual work without disclosing the innermost secrets of his soul...” (S. Maugham «The Moon and Sixpence», p. 154).

Референтом у наведеному нами прикладі авторського відступу виступає творчість головного героя. Для автора-оповідача тут важливо, щоб адресат не судив про головного героя (Стрикленде) за його вчинками, а звернув увагу на його творчість: *A man’s work reveals him*. Функціональність відступу проявляється у тому, що головний герой – художник. Такий підхід автора налаштовує адресата на бачення головного героя як художника, і «прощає» йому порушення загальних правил, служіння стереотипам, і тим самим виділяє значення важливості для людини бути вірним самому собі, тобто відбувається збагачення знань про референта шляхом введення нової інформації у тексті авторського відступу.

– *Логічний критерій*: причинно-наслідкові відношення у тексті, що актуалізують важливість не самої події як такої, а умов її протікання, що обумовлено попереднім контекстом. Не існує події, дії, яка була б позитивною сама по собі. Для визначення позитивності/негативності дії недостатньо культур-них параметрів, традицій, звичок. Для оцінювання будь-якої дії важливий контекст. Коли автор уміло шифрує

сенс своєї оповіді, але бажає, щоб цей сенс зрозумів адресат, він включає в текст авторський відступ.

Так, наприклад:

“Now the war has come, bringing with it a new attitude. Youth has turned to gods we of an earlier day knew not, and it is possible to see already the direction in which those who come after us will move. The younger generation, conscious of strength and tumultuous, have done with knocking at the door; they have burst in and seated themselves in our seats. The air is noisy with their shouts. Of their elders some, by imitating the antics of youth, strive to persuade themselves that their day is not yet over; they shout with the lustiest, but the war cry sounds hollow in their mouth; they are like poor wantons attempting with pencil, paint and powder, with shrill gaiety, to recover the illusion of their spring. The wiser go their way with a decent grace. In their chastened smile is an indulgent mockery. They remember that they too trod down a sated generation, with just such clamor and with just such scorn, and they foresee that these brave torch – bearers will presently yield their place also. There is no last word. The new evangel was old when Nineveh reared her greatness to the sky. These gallant words which seem so novel to those that speak them were said in accents scarcely changed a hundred times before. The pendulum swings backwards and forwards. The circle is ever travelled anew. Sometimes a man survives a considerable time from an era in which he had his place into one which is strange to him, and then the curious are offered one of the most singular spectacles in the human comedy. Who now, for example, thinks of George Crabbe? He was a famous poet in his day, and the world recognised his genius with a unanimity which the greater complexity of modern life has rendered infrequent. He had learnt his craft at the school of Alexander Pope, and he wrote moral stories in rhymed couplets. Then came the French Revolution and the Napoleonic Wars, and the poets sang new songs. Mr. Crabbe continued to write moral stories in rhymed couplets. I think he must have read the verse of these young

men who were making so great a stir in the world, and I fancy he found it poor stuff. Of course, much of it was..." (S. Maugham "The Moon and Sixpence", p. 28).

Виділений фрагмент тексту є конвергентним авторським відступом-афоризмом. Якщо розглядати цей відступ поза контекстом, важко визначити позитивність або негативність відступу-афоризму. У тексті експліціюється, що автор використовує авторський відступ з певною метою, застосовує його до головного героя, тим самим, описуючи його стан, становище, а також значущість цього становища для подальших подій, тобто референтом відступу є ситуація, яка відбувається з головним героєм у тексті.

– *Семантичний критерій*: кожен опис, кожна подія, яка описується, текстова ситуація мають певну цінність для подальшого сприйняття тексту. Автор використовує відступ у тому випадку, коли він не упевнений, що думка адресата збігається з його власною, і відступом він наче коригує, «допомагає» читачеві йти в обраному їм напрямку.

Наведемо приклад авторського відступу з роману «Вулиця Ангела» Джона Бойнтона Прістлі:

"She returned to the subject of Christmas. It was, on the whole, she decided, revolting. You gave people a lot of silly things, diaries and calendars and rot, or useful things that were not right, gloves of the wrong size and stockings of the wrong shade (and she would have to be thinking out her presents now, and she would terribly hard up); and they in their turn gave you silly things and the useful things that were not right. You ate masses of food you did not want, and then you sat about, pretending to be jolly, but really stodged, sleepy, headachy, and in urgent need of bicarbonate of soda. If you stayed at home, you yawned, tried to convince your mother that you had not a rich secret life you were hiding from her, and drearily sampled the family supply of literature. If you went out, you had to pretend you were having a marvelous time because you were wearing

hats from crackers and playing pencil and paper games. And what was so terribly depressing and revolting about it all was that it was possible to imagine a really good Christmas, the adult equivalent of the enchanting Christmasses of childhood, the sort of Christmas that people always thought they were going to have and never..." (J. B. Priestley "Angel Pavement", p. 291).

Виділений фрагмент тексту є конвергентним авторським відступом. Предмет референції цього авторського відступу – *the subject of Christmas*, вживається в препозиції по відношенню до авторського відступу. У будь-якого адресата складається своя думка із цього приводу, і автор нав'язує своє бачення для того, щоб адресат інтерпретував отриману інформацію саме так, як треба йому. Використовуючи займенник *You*, автор звертається до читача, застосовуючи сугестивну стратегію, автор подає інформацію так, що чужа (авторська) думка сприймається переважно як своя.

Представлені спостереження дають підстави для наступних висновків: зміст авторського відступу визначається комунікативною інтенцією автора, планованим їм перлокутивним ефектом, а також чинником адресата. Вживаючи будь-який авторський відступ, автор враховує свої самовизначення, спрямування, ідеальні орієнтири, свої думки, погляди. Насамперед, авторський відступ вказує на те, про що слід замислитися «тут і зараз».

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

Гаврилова Г. Ф. Способы выражения речевой авторизации в художественном тексте / Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Мальчева // Принципы и методы исследования в филологии : конец XX века : сб. ст. научно-методического семинара "TEXTUS" – С.- Петербург – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 262 – 266.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Crosman I. Reference and the Reader / I. Crosman // *Poetics Today*, 1983. V. 4 (1). – P. 89 – 97.

Hrushovski B. Poetic Metaphor and Frames of Reference. Remarks on a Theoretical Framework / B. Hrushovski // *Poetics Today*, 1984. – Vol. 5 (1). P. 5– 43.

Iser W. Interaction between Text and Reader / W. Iser // *The Reader in the Text (Essays on Audience and Interpretation)* / Ed. by S. R. Suleiman and I. Crosman. – Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1980. – P. 106 – 119.

Maugham W. S. *The Moon and Sixpence* / W. S. Maugham. – Moscow : Progress Publishers, 1972. – 250 p.

Priestley J. B. *Angel Pavement* / J. B. Priestley. – Moscow : Progress Publishers, 1974. – 504 p.

Searle John. *The Logical Status of Fictional Discourse* / John Searle // *Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts.* – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1979. pp. 58 – 75.

Zeeman P. Reference and Interpretation, with Examples from Osip Mandel'stam / P. Zeeman // *Russian Literature.* – Amsterdam, 1985. XVIII. – P. 257– 298.

Анотація

Архіпова І. М. Автореференція авторського відступу в англо-мовних художніх прозових текстах **XIX-XX** ст.

Стаття присвячена виявленню комунікативно-прагматичних характеристик авторського відступу в англо-мовних художніх прозових текстах XIX-XX ст.

Ключові слова: авторський відступ, автореференція, художній текст.

Resume

Arkhipova I. M. Autoreference of Author`s Digression in English Literary Prose of the XIX-XX centuries.

The article focuses on revealing lingual and pragmatic properties of author`s digression in English literary prose of the XIX-XX centuries.

Key words: author`s digression, autoreference, literary text.

Nevena B. Stanisavljević

College of Applied Studies for Preschool Teachers Kruševac
Serbia

READING STRATEGIES IN THE SHORT STORY “STORY ABOUT HAPPINESS AND MISFORTUNE” BY MIODRAG BULATOVIĆ

1. Introduction

Phenomenology, a movement in the history of philosophy launched by the German philosopher Edmund Husserl, was a prerequisite for the development of modern reading theories. Phenomenology studies the ways we experience things, and contemporary literature interpretation theories believe that artistic text primarily depends on intentionality. This means that literary and art works do not exist by themselves – they get their form only during reading, when a certain reader directs his consciousness to it. Each reader, depending on personality traits, tendencies, knowledge and abilities, constructs that certain text in his/her consciousness. This, theoretically, creates an infinite range of possibilities to interpret any literary work (ECO 2001: 23).

Bulatović's *Story about happiness and misfortune* is very inspiring from the aspect of contemporary literature interpretation theories due to the fact that this author shifts and switches between

different forms of storytelling, he uses doubling, as well as a combination of normal and skewed perception of reality, and he often changes narrative tone and intertwines different spatial and temporal dimensions. This short story unfolds through a series of images, through consecutive cinematographic frames connected with relatively independent narrative flows, often without narrator intrusion and comments.

2. Connotative text structure, rhetoric and reader immersion

After some new insights into the scientific study of literature, especially after *Toward an Aesthetic of Reception* by Hans Robert Jauss was published in 1978, many writers have started to focus more on the triangle *author – literary work - reader*. The reader thus stops being a constant, and in the light of this theory, he becomes a variable. Consequently, literary work also becomes a variable which depends on reader's reception.

Bulatović mostly does not address the reader directly in his *Story about happiness and misfortune*, which is also the case in most of his works (including his novel *The Red Rooster Flies Towards the Sky*). He does not explain to the reader ambiguous things in the text, nor does he help the reader understand "what the writer wanted to say"; the reader is left to create an image in his head of what the story is about. The reader is given the option to understand the message of the story in his own way. This is why all of us can understand the *Story about happiness and misfortune* differently, in our own way. Everyone may see in it something different. Moreover, by reading this story over and over again, we all discover something new that we did not notice when we first read it. Each new reading brings us something new, makes us ask more and more questions, and dig deeper into the author's thoughts in order to understand what he felt and what he intended to tell us by writing this story.

Reader immersion in the form of the narrator can be done and achieved directly – when the narrator is specifically named and

addressed by the narrator (storyteller), or this can be done more indirectly, when the narrator's presence is seen in and implied by narrator's comments. The indicator of narrator's presence are comments: if there are signs that the narrator is present, and if he explicitly or implicitly emphasizes his own role, the narrator will also appear (MILOSAVLJEVIC MILIC 2007: 23). The implied reader who appears is actually contained in the story.

The *Story about happiness and misfortune* begins like this:

"I'm thinking: I'm not going to carry on sitting at the same table with these guys. I am way above them. Look at that one sitting in the corner: gloomy, ugly, long-nosed. And then there's that one by the door, and the one sitting next to him... To be with them is to be who and what they are. But I want to surpass them". (BULATOVIC 1983: 15).

As we can see, the narrator does not directly address the reader. However, since the very beginning of the story presents the thoughts of the narrator, it has been pointed out to us that he actually tells his story to someone, and *that someone* is the reader. The author might have chosen this type of narration in order to allow the readers to be in the narrator's place, because people are prone to looking down on other people, and to consider themselves as being more important and more valuable than others. Bulatović uses the opening sentences of this story to have the readers identify themselves with the narrator and continue reading by being in "his shoes". It should be noted that the narrator is at an unspecified location at the beginning of the story, surrounded by several vague people who represent silent narrators (MILOSAVLJEVIC MILIC 2007: 28), and he is disgusted by them.

The comment about those unnamed people from the beginning of the story is a comment about the story, thanks to which the narrator expresses his opinion of the people he was in the same room with. There are three functions of this comment: motivational, documentary and characterological. The comment was in the first

person singular, which is another proof that we are talking about an internal narrator, who is a compassionate narrator at the same time.

At the very beginning of the story, the narrator addresses the readers with a sentence: "Boy, I thought, I'm so happy" (BULATOVIC 1983: 15), so we come to the conclusion an appellative comment is also present here. Using this type of comment, Bulatović wants to capture reader's attention and immerse him in the story. Bulatović uses rhetoric quite skillfully in this short story, in order for readers to feel and see the beauty permeating it, although beauty aspect is not usually too dominant in his literary works.¹ Darkness, gloominess and a kind of mystery and trepidation are his signatures. All of these emotions can be found in all of his works. The *Story about happiness and misfortune* is not an exception. Throughout the story, there is a certain feeling of fear, which readers feel as well, because of the concern about what will happen and what might happen. The plot unveils slowly and without tension, but while reading, the reader feels unease and incertitude.

There is only one internal narrator in this story. It is the man who is in the hospital. The narrator is mystical and hidden from the readers, but he is there, present throughout the whole story. He is the narrator and the main character at the same time. He is telling his own story to the reader. The story is told to the smallest and most hidden detail. The narater tells the story about a seemingly ordinary event, which actually carries a much deeper meaning.

3. Intentions of the author, work, reader (implied reader)

Wolfgang Iser (ISER 1986: 285) explains that the reader is an inseparable element of the literary text, and that a text starts

---

¹ Since the 1950s, when Bulatovic first appeared with the short story collection *Devils are coming*, the critics' comments ranged from complete negation to the recognition of his individuality and revolutionary role that Bulatovic's narrative had in the development of Serbian literature. One of many accusations was made by Velibor Gligoric (*Tudje, Savremenik, Vol. III, Notebook 4, 1956, 474-475*) who claimed that Bulatovic "does not dare ... to grasp a living flame from the process of growth of a new society".

being meaningful only during the interaction between the reader and the text. These terms were created in order to emphasize how important the reader is for the literary text, and his role as a textual structure.

When using the term *implied reader*, Wolfgang Iser refers to the reader who is immersed in the text (some type of interpretative strategy), and this implied reader acts as an intermediary between the text and the actual reader who is then able to “experience” the events mentioned in the text. However, Stanley Fish (1989) believes that reader’s intelligence and cognitive competence are also very important.

We will now continue our discussion about types of readers, in reference to reading theories, and we will mention Umberto Eco who claims there are two types of readers: the naïve reader who tends to trivialize the text, and the critical reader who uses strategies to discover and explain places of indeterminacy, appellative comments, etc. Such a reader reads the story numerous times and tries to discover the reading model that the author has intended for him. Eco calls such a reader semiotic reader, that is, critical, model reader who is very close to being an ideal reader.

Unlike this type of reader, there is a semantic reader (ECO 2001: 29–31) who reveals only the basic meaning behind the text, which is also called surface reading, where important segments are discovered in order to reveal what happens in the text. On the other hand, the critical reader uses intertextual relations in order to understand the text. By using this different approach, the critical reader penetrates into the essence of the text and reveals its real meaning. At the same time, the reader forms his own opinion and view of the literature work.

From the point of view of the critical reader, the *Story about happiness and misfortune* can be seen as the history of interpersonal relations in the Balkans, which mostly includes misunderstanding, hatred, conflicts, wars; therefore, it is a story about misfortune and

misery. Since the present time is mostly influenced by stereotypes, there is not much hope that this story will become a story about happiness.

The ideal reader of Bulatović's *Story about happiness and misfortune* would be the one who wants to know the true meaning of this short story, and who thinks about its suggestiveness.

In this short story, the information intended for the actual reader is provided to him through dialogues between the main character and an unnamed lunatic, and through the narrator's frequent monologues.

At the beginning of this short story, the narrator already distances himself from others and tries to be different, special, his own: "I'm not going to carry on sitting at the same table with these guys. I am way above them." (BULATOVIC 1983: 15). If someone praises oneself and scorns others, that will inevitably lead to social isolation. The narrator himself admits: "That is why I am estranged from everyone". This provides a clear and realistic view of life and people who live in a world where they are alienated from themselves and from society. The implied author, that is, the implied reader, which provides one way of reading this story, directs us to connect this story with the time which we live in. Mental institution, hospital, street are the locations in which the story takes place, and the characters are lost people who are mentally and emotionally disturbed. At first, we are amazed by how similar the situations Bulatović describes are to our present time.

The main idea of Bulatović's short story is finding a way how to establish relationships between people who have different temperance or natures. Disintegration of existence happens due to a double disorientation of the lost and tragic lead character whose existence is equal to suffering. Synchronicity of the lead character's internal emotions reaches the highest levels of suffering, while the ironic and sarcastic image of the lunatics reaches the collapse of ethics. The last sentence which says "I began to cry", indicates the emotional breakdown of the protagonist, while right before this

sentence is uttered, the lunatic commits suicide, seeing it as the only way out of the suffering and pain.

Bulatović uses grotesque in this short story in order to create a sense of morbidity; however, his intention is not to subordinate characters to it, but to allow readers to see this morbidity as an indicator of a life that has lost its meaning. He writes about evil in order to eliminate it. The author is above the order he has created, above the murmur of voices and cathartic self-determination. The final form and image of the defeated man, in the monstrosity of what is distorted in madness, creates a story in which the author is explicitly the father of all the images on the earth and their defender.

In a grotesque game with absurdity, instead of naming the evil, the author actually sets free all the terror in the lives of his characters, and by using symbols he manages to poetically describe all the evil, misfortune and suffering in the life of the protagonist. The author uses internal emotional expressions and unusual representation of characters in order to demystify the reliability of existence and with the revealed and exposed layers of human nature he manages to develop the topic of man's defeat and insufficiency. Sublime aspirations and bizarre actions grotesquely destabilize the existence determined by passion.

Story about happiness and misfortune carries many messages, leaving a significant impression on the readers, and shaping a model reader who perfects the insight into the true meaning of the text. Bulatović's intention is to trigger the minds of readers and to allow them to choose different directions for thinking, instead of serving them a concept, an idea that defines the world and his own view of it. This kind of Bulatović's storytelling is very similar to Camus' definition of absurd creation. Concept of the absurd is observed at almost all levels of the short story collection *Devils are coming*.

By using a specific technique to build characters and situations, specific language, composition, lucid thinking that negates

the finality of any idea, but also by choosing proper narrative techniques, this Bulatović's short story has come very close to the most ambitious of all Camus' characters - an absurd creator (CAMUS 1999:139). Lastly, it is impossible not to ask oneself if he owes such an image of himself (similar to the authors with whom he is most often compared) to his way of life. It is his way of life that once again corroborated the ambivalence of human nature, the limitation of human power of knowledge and action, but also the tragedy that arises from ever-present misunderstanding between the individual and the worlds around him and within him.

4. Immersion: examples of concretization and types of concretization (thematic, conceptual, stylistic)

For cognitive narratology, the immersion phenomenon, that is, placing oneself in the story world is the main prerequisite that enables the interpretation of the narrative. Marie-Laure Ryan was the one who contributed most to the poetics of immersion concept. The power of immersion was studied from the aspect of four dimensions of story world absorption that happens while reading: concentration, mental imagery, enthusiasm, and addiction (MILOSAVLJEVIC MILIC 2014: 33). Through the sense of being physically present in the story world, the reader's real world is transferred to another world, reorganizing the universe around a virtual reality. This transfers reader's consciousness into another world. The very experience of this virtual, art world is the main precondition for the reading process to be acknowledged as immersion. This is where mental simulation is seen as being of great importance (MILOSAVLJEVIC MILIC 2014: 34) since it helps create rich sensory field through simulation - sense of time, place, landscape. As a concept that is a significant factor in reading theories, mental simulation can be applied to specific types of imagination: placing someone in a specific imaginary setting, helping them experience gradual change of that setting, allowing

them to try to predict what will happen next, and enabling them to see that the options begin to run out as time goes by while still keeping them focused on the glimpses of future events (RYAN 2001: 113).

Ryan mentions three forms of immersion, which are intertwined in the reading process: spatial, temporal and emotional (MILOSAVLJEVIĆ MILIĆ 2014: 33). Spatial immersion is of crucial importance for the reader because it creates a sense of being on the scene of the narrated events. In Bulatović's *Story about happiness and misfortune*, the location of the events is specified: "Well, I have to be a good grandson and a good son since I like this necktie so much - I even brought it to the hospital, where things like this are not allowed" (BULATOVIĆ 1983: 16). Therefore, the reader immediately develops a sense of place. Reader's imagination is triggered by the awareness of the world in which the story happens.

In this short story, Bulatović mostly uses the aorist tense; however, there are a few instances where he uses the present tense to describe some unpleasant situations the main character finds himself in – one example is when a patient wants the main character to give him the necktie, or else he will kill himself: "I'm going to kill myself if you don't give it to me", he starts crying, "I'll kill myself ... today..." (BULATOVIĆ 1983: 18). The narrator also uses the present tense when describing the moment when the patients find the judge hanged: "Wrapped in a sheet, the judge lies on the ground. A woman is standing next to him. A girl is crying as well. And I'm asking myself: why are they crying when he's so ugly? I'm crying as well - not for the judge, but for the necktie, which is sticking out from the nurse's pocket" (BULATOVIĆ 1983: 21).

The trigger for emotional immersion in this short story is the gradually described fate of the narrator's necktie: from the moment the narrator inherits it from his father, to the climax at the end of the story - the disappearance of the necktie. The truth behind the disappearance of the necktie causes the reader to feel emotionally broken, to sympathize with the narrator's pain and his mental

breakdown. All this can be explained with the theory of immersion that allows the narrative world to be seen as one type of virtual reality. Narrative itself has the crucial effect on reader immersion and involvement. In Bulatović's short story, an example of this is the scene of the dialogue between the narrator and an unnamed patient, which shows readers the actual meaning of this literary work and helps them understand it. Theory of immersion truly allows the narrative world to be seen as one type of virtual reality. Virtual storytelling is considered as narrative potential. The story unravels gradually, segment by segment, in order to ultimately lead us to an unfortunate denouement and climax.

In Bulatović's *Story about happiness and misfortune* the emotional component of immersion is very dominant, because throughout the story, the reader sympathizes with the narrator. The reader experiences a strong emotional effect due to the fact that the narrator is in a hospital surrounded by insane people, one of whom stalks him and follows him day and night because he wants the necktie. The narrator found himself in a very unfortunate and hopeless situation, which the reader himself must have experienced in the real world. Spatial and temporal immersion are missing here because they are not crucial for the development of the story. The main focus is on emotional immersion, which depicts mental breakdown of characters and their pain which throws them off the track - this type of narrative allows readers to get a deeper insight into the characters' inner worlds.

5. Gaps and their implications

Since the literary text cannot be entirely identified with real objects from real life, nor with readers' own experiences, this lack of comparability creates the so-called "places of indeterminacy" (INGARDEN 1971:11), which are filled in by an individual interpretation or "reading" of the work. If we recognize the similarities between the narrated moment and the present moment and relate to

them, that proves that we can transfer “indeterminacy” to the real world in certain situations, and we can see certain moments from the text as real. However, this process of normalizing the indeterminacy leads to a decrease in quality of the literary text. However, our normalization of indeterminacy is linked to our individual experiences, since indeterminacies are generally filled in by the reader when he uses his own experience and background.

These “places of indeterminacy” can be defined as ambiguities in the text relating to a character, location or time. Besides Jauss (JAUSS 1978:18) whose *horizon of expectations* includes not only the things that a literary work expects the readers to decode, but also the expectations which a reader has when he starts reading a literary work, there is also Wolfgang Iser who defines the term *implied reader*² who not only understands all the author’s intentions, but even grasps the connections and meanings which the author himself was unaware of when writing his works.

Indeterminacy is a prerequisite for a text to develop, thus it is an important factor for the effect a literary work will have. H. Porter Abbott (ABBOTT 2009: 364) uses the term *gap* in order to explain inevitable voids, large or small, in any narrative that the reader is called upon to fill from his or her experience or imagination. In the intentional interpretation of fictional narrative, this process is limited to what is consistent with the text and its cues.

Bulatović’s *Story about happiness and misfortune* contains numerous places of indeterminacy which should be explained and filled while reading. At the beginning of the story, the main character describes the “guys” who surround him, making room for Eco’s model reader. If we focus only on the first paragraph of the story, we might conclude that the narrator has got himself into some bad company of gloomy, ugly, long-nosed men, while he is their complete opposite, therefore, he is a gentleman.

---

2 *Concise Dictionary of Comparative Terminology in Literature and Culture*, defines the implied reader concept as follows: this is not an ideal reader or an abstraction derived from a real reader, but a transcendental model that explains how the literary text works and acquires meaning (DICTIONARY 2011: 375).

The story contains several gaps, which allow the reader to interpret and adjust the text in various ways: "There's that one by the door, and the one sitting next to him...", or "I gave my lunch to a scrawny baker from...", etc. Since it is not specified where the baker is from, the reader might assume that he comes from another town or country, which we will elaborate on in the chapter that talks about virtual library.

Such lack of information increases the suggestive effect of the details themselves, which spurs the reader to think about possible solutions. Due to these gaps the reader encounters, he is forced to imagine more than it is usually required when reading stories that do not contain gaps. However, the specialty of Bulatović's writing is his first-person narrative, which means that the story being told contains the author's explanations as well, which can be seen as hidden comments. This means that despite the gaps, readers' participation in the realization of the intent of the story decreases. "Boy, I thought, I'm so happy". Thus, the reader is not given the opportunity to imagine things, because there is direct narration which also includes narrator's comments. However, the meaning that is conveyed while reading, although determined by the text itself, still allows the reader to create it by himself.

By introducing plot twist and by changing readers' perspective of looking at the characters, Bulatović makes them see the characters not with indifference and pity as it might be expected, but rather to look up to them, from a subordinate position, because these characters stand on the pedestal of a truth which is significant for the reader in many ways. The characters are above the reader, and Bulatović (1983: 21) makes sure to emphasize that: "How tall do we stand?, asked the scrawny baker from..."

The only thing we know about the protagonist is that he has a long red silk necktie with white spots, inherited from his grandfather and father, and that this necktie is the main reason for his happiness or misfortune. The description of the leading character is missing, unlike the description of the "guys" sitting

in the tavern at the very beginning of the story: "I am way above them. Look at that one sitting in the corner: gloomy, ugly, long-nosed." However, this sentence shows us that their description is also non-specific and not detailed at all.

The very ending of the story is also vague and it allows readers to make up their own minds about the outcome of the story. As readers, we never find out in the end if the necktie, which is a prerequisite for happiness, is found or not.

Spatial dimension does not significantly affect the understanding of the text. We only know that the main action takes place in a hospital which we never learn too many details about. The connection between time and space is disregarded here and is not crucial for this story. However, what is important is the relationship between the characters. These gaps that appear in the text allow the reader to better understand the relationship between the characters, and to fill in the images by his individual interpretation while reading the text.

6. Voids and Allegory

Allegory is usually defined as an extended metaphor. Allegory has been widely used throughout history in all art forms, since it takes some complex ideas and presents them to readers, viewers and listeners through forms that are comprehensible to them. Allegory is used to convey complex meanings through symbolic figures, actions, imagery, or events. All of these together, merged in a single work of art, create the moral, spiritual, or political meaning the author wishes to convey.

When it comes to Bulatović, his entire stories can be seen as skillfully used allegories. He presents his readers with seemingly ordinary stories and events, which actually contain and conceal much deeper messages and lessons. His *Story about happiness and misfortune*, same as his other works, gives readers the opportunity to understand the story in their own way, to create

the story themselves, as they want it to be. In the *Story about happiness and misfortune*, the action takes place in the hospital, and the story revolves around a necktie. This necktie, which can be seen as a symbol of happiness or misfortune in this text, as the title of the story suggests, provokes the main characters into a fight. Happiness (just like the necktie in this short story) escapes us every time we try to chase it. It is right there, so close, but still unattainable. The closer we get to it, the further it escapes. People are prone to always wanting more. That is why no matter how much happiness they get, it is never enough. They hopelessly "pursue" little things (such as the necktie), thinking that they can give them much more than they actually can. In the end, they are left with nothing, both the narrator and the judge, without the necktie and without happiness. The judge ends his own life, while the narrator, whose name and profession are not specified and described in the text, remains unhappy and helpless. Nowadays, people chase trivial things thus losing the most valuable things in their lives.

7. Figures of speech

Figures of speech are very important for the overall understanding of a literary text. The dominant figure of speech used in Bulatović's *Story about happiness and misfortune* is symbolism. That is, in this short story, the symbol of happiness and misfortune is "the long red silk neck tie with white spots", which at the same time represents the rising action element.

If we make a parallel between the beginning and the ending of this short story, we will come to the conclusion that Bulatović masterfully used contrast to depict mental state of the narrator. Initially, he is portrayed as a happy man: "Boy, I thought, I'm so happy. I have the necktie" (BULATOVIC 1983: 15); however, the ending of the story shows his negative feelings, when he says: "I began to cry" (BULATOVIC 1983:22).

The author also used climax figure of speech ("gradation") throughout the entire text. We can see a gradual increase in the

intensity of feelings which build up to a climax which, in this case, is a tragic outcome. One example of climax is mental breakdown of the judge who desperately wants the necktie for himself: when he saw it for the first time, he begged the narrator to give it to him, then threatened that he would kill himself and the narrator as well ("I will skin you like a goat!"), while in the end he actually committed suicide because of the necktie.

Climax is also used to gradually take us to the truth and the peak of the narrator's pain which he eventually recognizes as an eternal punishment, as the eternal pain that will follow him everywhere, all because he lost the necktie.

The *Story about happiness and misfortune* contains numerous epithets which generally have negative connotation. For example, the "guys" mentioned in the beginning of the story are depicted as *gloomy, ugly, long-nosed*; the baker is described as *scrawny*, the patients are *rude*, the nurse is *condescending*; even the Moon is described as *silent and bald*. Contrary to the descriptions of people, the necktie is the only one which is described with positive epithets. It is long, made of red silk with white spots; worth two oxen; a thing that is rarely seen; it is better than any necktie from abroad, beautiful, precious, a memory.

8. Context, texts as shadows of their authors (virtual library)

In his book *How to talk about books you haven't read*, Pierre Bayard said: Rather than any particular book, it is indeed these connections and correlations that should be the focus of the cultivated individual, much as a railroad switchman should focus on the relations between trains — that is, their crossings and transfers — rather than the contents of any specific convoy. One of the "realms" in which books are discussed (2008: 119) is described by Bayard as a *virtual library*, which is a place, a realm where real books are replaced by phantom books or inner books, dominated by images about ourselves; however, certain rules have to be followed.

The readers of Bulatovic's *Story about happiness and misfortune* remain aware of the context of the story and the fact that this story is actually a part of another wider narrative. That is, it belongs to a collection of short stories called *Devils are coming*. Moreover, this short story corresponds to the entire text corpus written by Miodrag Bulatović.

Story about happiness and misfortune can be interpreted from different angles and perspectives. We can primarily interpret it from the imagology point of view. Imagology or "image studies" is an approach in literary studies which examines ethnic or national stereotypes. We should observe how the protagonist sees himself and how he creates a positive image of "his own kind": "I'm not going to carry on sitting at the same table with these guys. I am way above them". The leading character can be understood as, for example, a representative of our nation, while other characters come from another, unnamed country: "the baker from...". However, although it is not specified where those others come from, they are not described in a positive way, since the introduction depicts one of them as "gloomy, ugly, long-nosed", etc.

The protagonist insists on the preservation of heritage, tradition and ancestors. The following sentence proves this: "Sell everything, just do not sell it, because if you renounce it, my son, you'll be unhappy. Everything will go wrong. You will be ruined. Our family lineage will disappear" (BULATOVIC 1983:16). In national and political context, the red necktie might be a metaphor for Kosovo. The story mentions people who fight over the necktie - at present, people are actually fighting over Kosovo. The ending of the story mentions snowflakes – snowflake might represent the asterisk standing for the footnote which has recently been added to the document related to the Belgrade-Pristina agreement. The part where family lineage is mentioned can be associated with the Kosovo myth and cult, while the sentence "How tall do we stand" might signify the Kingdom of Heaven – which is a frequent symbol used in Kosovo cycle of poems.

This short story can also be interpreted from the psychological point of view - as a story of human suffering. Given that this story describes people on the margins of society, we can make a parallel between this story and Bora Stanković's *God's Children*. Moreover, since this short story is about suffering, it can also be related to *The Divine Comedy*. Perhaps these characters are actually in limbo.

Furthermore, if the *Story about happiness and misfortune* is observed as a story of absurdity and alienation, it can be related to the philosophy of the absurd and to Camus' *Stranger*.

From the stylistic and semantic point of view, we could also focus on the meaning of certain words used, and based on their meaning, seek and provide a wider interpretation. For example, the protagonist says: "I have thought, I have run away, I have loved". A frequent use of aorist tense leads us to the conclusion that the events described happened in recent past. The fact that the necktie is red reminds us of communism, so this may be a story describing the ever-present conflict and split between Partisans and Chetniks – which is again a reoccurring aspect and theme in modern day politics.

9. Conclusion

The short story collection *Devils are coming* brings to us the pockmarked face of a city which is full of sick people, drifters, drunks, prostitutes, unrealized personalities - people who have been defeated by life in a number of ways. Their life takes place in smoky bars and behind closed doors; city streets covered with rain are the most beautiful sights they know, police officers who keep an eye on them are the best friends they have. Life has taken away so much from them but gave them almost nothing. Hence, they cannot hope, or their hopes are meaningless. Sometimes they cannot even suffer anymore. This is the reason behind their need for rebellion and affirmation by the society that despises them and which they hate in return. Since they do not know themselves

enough, they feel like they know others very well. Therefore, when they rebel, they rise up against those who are similar to them. And they fail, thus prolonging their pathetic lives to eternity. This is not a vision of the devils who are coming, but of the devils who have long since arrived and made themselves comfortable in the world and the city. Of course, their life is no less intense or less interesting for the literature than angel's life – on the contrary. Society itself creates its own underworld, people alone bring themselves up or down.

Story about happiness and misfortune allows us to see Bulatovic's obvious, apparent affection for morbidity. He enjoys loss, desperation, smallness which all flourish to be a "blossom of evil". This desperate, dirty, nasty, little world from the lunatic asylum, the world of maniacs, paranoid world, the world of crazy ideas, the world of malice and sadness, helped Bulatovic to present, depict and write blurred narratives. The author did not try to grasp the essence of life – he wanted to depict different kinds of people, to describe their stories and destinies. There is no love and no compassion in the *Story about happiness and misfortune*, but there is a lot of sadness, a lot of grief and disappointment. Everyone wants to be isolated on their own little island; everyone is cruel to one another and merciful only to themselves. Everyone truly is an island – but sad, lonely and lost in the fog.

Bibliography

ABBOTT 2009: Abbott, H. Porter. *An Introduction to Narrative*. Belgrade: Official Gazette, 2009.

BAYARD 2008: Bayard, Pierre. *How to talk about books you haven't read*. Belgrade: Official Gazette, 2008.

BULATOVIC 1983: Bulatović, Miodrag. *Devils are coming*. Belgrade: Prosveta-Globus, 1983.

ECO 2001: Eco, Umberto. *The Limits of Interpretation*. Belgrade; Paideia, 2001.

ISER 1986: Iser, Wolfgang. *"The role of the reader in Fielding's Joseph*

Andrews and Tom Jones". *Contemporary Literature Theories*. Miroslav Beker. Zagreb: SNL, 1986.

INGARDEN 1971: Ingarden, Roman. *The Cognition of the Literary Work of Art*. Belgrade: SKZ, 1971.

JAUSS 1978: Jauss, H. Robert. "Literary History as a Challenge to Literary Theory". *Reception theory in literary studies*. Author: Dušanka Maricki. Belgrade: Nolit: The Institute for Literature and Art, 1978.

CAMUS 1999: Camus, Albert. *Le mythe de Sysiphe*. Translated by: Vesna Injac. Belgrade: Mono Topos & Manana, Press, 1999.

MILOSAVLJEVIC MILIC 2014: Milosavljević Milić, Snezana. "Virtual antenarrative and immersion phenomenon". D. Vukićević, S. M. Milić, *Ogledavanja*. Nis: Faculty of Philosophy, 2014.

MILOSAVLJEVIC MILIC 2007: Milosavljević Milić, Snežana. "Types of narrators in Serbian realist novel". *Serbian realist narrative* (collection of works). Kragujevac (2007): p. 21-34.

DICTIONARY 2011: *Concise Dictionary of Comparative Terminology in Literature and Culture*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2011.

RYAN 2001: Ryan, Marie-Laure. *Narrative as Virtual Reality, Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. Baltimore, London: The John Hopkins University press, 2001.

Resume

Stanisavljević N.: Reading strategies in the short story "Story about happiness and misfortune" by Miodrag Bulatović

An artistic text becomes an aesthetic object only during the process of reading. The applicative significance of this paper are its research topics (connotative text structure, immersion; types of concretization, rifts and implications, text alegorization, virtual library, etc.) which shed light on Miodrag Bulatović's *Story about happiness and misfortune* from different angles. Such a research allows us to emphasize those narrated sections that are essential to understand Bulatović's poetic narrative and its aesthetic effects.

Key words: Miodrag Bulatović, phenomenology, reading strategies, inference, interpretation.

Галина Донскова

Западно-Казахстанский государственный университет им.

М. Утемисова

Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНОНИ- МИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИКИ Г. УРАЛЬСКА, РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)

Современные лингвисты настойчиво доносят мысль о теснейшей связи урбанонима «с городской культурой, с обликом и обустройством городских поселений, с особенностями социокультурных ценностей и норм...» [1], создана надежная основа «для понимания историко-культурного своеобразия и лингвистической специфики урбанонимов [1].

К сожалению, современная практика организации ономастического пространства города в Казахстане вступает в противоречие с этими общелингвистическими подходами.

Предполагается, что доминирующими в процессе первичной номинации и тем более переименования становятся не попытки «формирования локальной идентичности и восприятия города не только как места проживания и реализации текущей практической активности, но и как пространства духовной культуры с ее символическим капиталом и тем, что позволительно в общем смысле назвать гением места», ресурсом которых становится Историко-культурный контекст

[1], но формирование и утверждение доминанты прежде всего общегосударственной идентичности, которая могла бы более гармонично сочетаться с локальной, тесно связанной с историческими наименованиями, а не отменяя их права на существование.

Главным принципом именованний становится коммеморативный, об осторожном применении которого не раз писали ученые, предупреждавшие, что «усиленная эксплуатация коммеморативного наречения создает риск нарушения семантического разнообразия в урбанонимическом ландшафте и перспективу превращения городского урбанонимического портрета в некое подобие мемориального списка [1].

Напомним, что исторически **урбанонимия** Уральска избегала коммеморации. До 1919 года всего 6 урбанонимов имели антропонимическую основу: Николаевская и Железновская площади (названные в честь Императора и писателя-уральца И.Железнова, ценностная планка которых таким образом уравнивалась), улицы Алексеевская (в честь наследника престола), и «названия некоторых улиц, имевшие отношение к военной истории России, участниками которой были и уральцы: Суворовская, Кутузовская и Скобелевская. Они не требовали специального разъяснения, поскольку русские полководцы были близки казакам» [2]

Ономастическое пространство Уральска, как и любого советского города, пережило волны идеологизированных переименований, обязательно создающих антонимические пары урбанонимов, н-р, улиц: Ханская-Горького, Мечетная - Красная, Крестововоздвиженская – Комиссаровская и др. Как видим, и здесь антропонимы доминировали. В увековечивании отмечены коммунистические деятели (Сталин, Ленин, Дзержинский и др.), участники гражданской войны (Чапаев, Фурманов, Суров, Кутяков и др.), появились имена писателей и поэтов (Пушкинская, Даля, Некрасовская, Л.Толстого, Горького – как посещавших Уральск (улицы Пушкинская, Даля,

Л. Толстого), так и никогда не бывших в Приуралье (улицы Некрасова, Горького и др.).

После 1991 года на волне борьбы с идеологией прошлого большинство урбанонимов приобретает антропонимический коммеморативный тип. В пространство города начинают активно входить (в основном через переименования) имена, связанные с историей Республики Казахстан и Западно-Казахстанской области. Так, увековечиваются имена:

- исторических деятелей: ул. Кутякова - пр-т Абулхаир хана, ул. Волгоградская - ул. Жангир Хана, ул. И.Тайманова - ул. Исатай Батыра;

- литераторов: ул. Сурова - ул. Абубакир Кердери, ул. Красноармейская –и ул. Жобана Молдагалиева, ул. Комиссаровская - ул. Н.Савичева;

- музыкантов: ул. Фурманова - ул. Курмангазы, ул. Театральная - ул. Дины Нурпеисовой

- ученых: ул. Бебеля - ул. Профессора Всеволода Иванова, ул. Орджоникидзе - ул. Академика Асана Тайманова и др.

При этом коммеморативные названия меняют своё расположение, переходя с одних объектов на другие: ул. И.Тайманова - ул. Исатай Батыра, ул. Орджоникидзе ул. Академика Асана Тайманова и др.

Создается некий диссонанс при перемещении культурных объектов -памятников, с которыми был связан урбаноним. Так, площадь Юбилейная, после установки на ней в 1988 году памятника герою Советского Союза М. Маметовой, и прилегающая улица (Гвардейская) стали носить её имя. Прежняя улица им. М. Маметовой (известная старожилам как Форштадская) стала носить имя Даулеткерей. В 2017 году здесь установлен новый памятник, «посвящённый трём героям Великой Отечественной войны — Маншук Маметовой, Алие Молдагуловой и Хиуаз Доспановой под названием «Славные дочери казахского народа» [3], и теперь городская общественность с тревогой ждёт новых переименований.

Из 43 переименованных в этот период улиц только 3 не выполняют мемориальной функции, более того они являются редкий пример восстановления исторических названий: ул. Нариманова - ул. Сарайшык, ул. Куйбышева - ул. Самарская, ул. Желядова - ул. Есаульская.

До 1 января 2016 года в Казахстане действовал мораторий (а всего их было 3!) на переименования, но и он допускал продолжение практики давать мемориальные имена: «Несмотря на мораторий, улицы разрешается переименовывать только в честь героев Великой Отечественной войны» - рассказал заместитель председателя ономастической комиссии ЗКО **Махамбет Исхагали**. [4]

В 2010 году произведено переименование целого ряда улиц, «на основании протокола городской ономастической комиссии от 17 февраля 2010 года N 1 и рассмотрев предложения государственных и общественных организаций по переименованию улиц города Уральска в преддверии празднования 65-летия Победы, акимат города Уральска постановляет и Уральский городской маслихат решил: ... Переименовать следующие улицы города Уральска... Далее предлагается список из 38 улиц, среди которых исторические названия: Сенная, Чечерная, Чувашинская и Камышенская улицы)» [5]

Напомним, что ул. Чечерная связана с историей Пугачевского восстания и упомянута у А.С. Пушкина в «Истории Пугачева»: «Мятежники деятельно продолжали свои земляные работы, то обрывая берег Чечоры и тем уничтожая сообщение одной части города с другой...» [6]. Подробнее об истории ул. Чечерной - [7]. Сенная улица, как и исчезнувшие Кожевенная, Вальковая, Бударинская и другие создавали неповторимый облик старого казачьего города, а Чувашинская, Камышенская, Кажехаровская, Соболевская – имели четкую географическую привязку к станциям по направлениям: север-юг, запад-восток.

Присвоение улице Чечерной имени героя ВОВ Алексея Абрамовича Стрижаченко требует дополнительного анализа. Безусловно, имя героя войны достойно увековечивания в любом городе, связанном с его жизнью, а А.А. Стрижаченко «Уроженец Черкасской области Украины в 1930 году был направлен секретарём комсомольской организации поселенческой коммуны «Новая жизнь» Теректинского района Уральской области Казахстана. В 1933 году призван в армию, с 1935 по 1939 года – на руководящей работе в Бурлинском районе» [8]. После войны герой жил в Алматы.

Современные тенденции номинации способствуют исчезновению неповторимости ономастического облика городов, что уже происходило в советский период, когда повторение одинаковых и однотипных имен создавало ономастические штампы. По новому положению Топонимическая комиссия может присваивать имя какой-либо выдающейся личности «имя одного лица в одном районе может присваиваться до трех раз, а по области 36 раз[9]!

Удивляют объёмы переименований. Так, 27 сентября 2016 Ономастическая комиссия и представители Управления по развитию языков Западно-Казахстанской области на специальном совещании сообщили, что в области будут переименованы 59 населенных пунктов и 184 улицы, передает Zakon.kz

По словам руководителя отдела управления по развитию языков ЗКО Гульнар Альжановой, уже утвержден перечень из 100 человек, именами которых можно называть улицы и населенные пункты. «Сейчас мораторий на переименования отменен. Мы должны провести ономастическую работу согласно национальной идеологии», - сказала Г.Альжанова [10].

Увлечение мемориализацией может доходить до абсурда: создаются ситуации, когда «потомки затевают борьбу за то, чтобы именно именем их предка названа была улица, спор потребовал вмешательства Президента страны.... Люди должны

подходить к этому вопросу сознательно, часто нам предлагают переименовать улицу в честь директора совхоза или парткома. Такие заявки мы не пропускаем, потому что человека должна знать вся республика (стиль и орфография источника) [11].

Перечислим некоторые аргументы сторонников активного изменения топонимического ландшафта города:

- в период тоталитарного режима многие исконные названия местностей и рек претерпели изменения [12].

- названия большинства населенных пунктов ... «остались еще со времен царской России»;

- названия связаны с советским периодом: «Что несут названия Пионерская, Коммунистическая?»;

- названия «улицы должны нести воспитательную функцию, воспитывать в молодежи патриотизм!»;

- «подлежащих замене те (они́мы), что **ономасты считают устаревшими, невыдержанными идеологически и не имеющими топонимического основания (!?)**» (цитаты выступлений членом ономастических комиссий). [13]

Остаётся надеяться, что современная лингвистическая наука Казахстана обратит внимание на изучение ономастической истории края, ибо, как подсказывают нам учёные соседних государств, задачей топонимики должно быть «не повальное увековечение достойных деятелей, а создание гармоничной, вписывающейся в культурный и исторический городской контекст топонимической среды. [14], где найдется место для прототюркских оронимов и гидронимов, казачьих ойконимов, советских историзмов, отражавших развитие Казахстана в 20 в., и современных онимов, связанных со становлением нового суверенного Казахстана – нашей общей Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203

2. Н.И. Фокин Мы родились и жили на Урале-реке... Очерки и воспоминания Ульяновск, 2016, 135 с. <https://www.litmir.me/br/?b=545474&p=1>

3. Памятник Маншук Маметовой в Уральске заменят. – Сайт informburo.kz - <https://informburo.kz/novosti/pamyatnik-manshuk-mametovoy-v-uralske-zamenyat-na-skulpturu-za-138-mln-tenge.html>

4. В ЗКО ономасты будут рассматривать заявки на переименования улиц именем ветеранов ВОВ - <http://mgorod.kz/nitem/v-zko-onomasty-budut-rassmatrivat-zayavki-na-pereimenovaniya-ulic-imenem-veteranov-vov/>»

5. adilet Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10ZA000184>

6. Собрание сочинений А. С. Пушкина в десяти томах. Том седьмой <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/p7.txt>

7. Донскова Г.А. Ономастическое пространство: Пушкин и Уральск, Мат.международ.науч.-практ. конф, 2006. – Уральск, ЗКГУ им.М.Утемисова. – с.53 – 59

8. Сайт Герои страны <http://warheroes.ru/hero/hero>

9. <http://mgorod.kz/nitem/zhiteli-karatobinskogo-rajona-zko-prosyat-pereimenovat-ix-rajon-v-akkozy-batyra/>»

10. zakon.kz -

<https://mail.kz/ru/news/kz-news/na-karte-zapadno-kazahstanskoj-oblasti-poyavyatsya-naselennye-punkty-s-novymi-nazvaniyami>]].

11. Серик ЕРМЕНТАЕВ В ЗКО ономасты будут рассматривать заявки на переименования улиц именем ветеранов ВОВ.- газета «Мой город», 28.04.215 - <http://mgorod.kz/nitem/v-zko-onomasty-budut-rassmatrivat-zayavki-na-pereimenovaniya-ulic-imenem-veteranov-vov>

12. Материалы конференции “Национальная ономастика и статус государственного языка”.<https://www.caravan.kz/news/v-onomasticheskuyu-komissiyu-zko-postupilo-117-predlozhenijj-pereimenovaniyu-naselennykh-punktov-189089/>

13. Злата Удовиченко Ну не ономасты ли? - Общественно-политическая газета Казахстана, 19 октября 2016,- [time.kz/articles/strana/2016/10/.](http://time.kz/articles/strana/2016/10/)

14. Рыжков А. Б. Улица для имени или имя для улицы? // Новый топонимический журнал. 2010. № 4 (33) - http://Annales.info/sbo/contens/toponim.htm#10_04.»

Аннотация

Донскова Г. А. «Проблемы трансформации топонимической среды (на материале топонимики г. Уральска, Республика Казахстан)»

Автором рассматривается проблема формирования современной урбанизации города на материале изменения урбанонимического ландшафта г.Уральска (Казахстан) в 20-21 вв. В статье анализируются периоды смены идеологических приоритетов, научных и околонучных оснований работы специалистов по ономастике (чиновников и ученых).

Особое место в статье отводится рассмотрению антропонимической составляющей урбанонима, анализируются допустимые параметры коммеморативных именовании.

Делается вывод о необходимости гармоничного сочетания старого и нового в топонимическом ландшафте Приуралья.

Ключевые слова: урбанонимический ландшафт, коммеморативные топонимы, топонимическая комиссия.

Abstract

Donskova G. A. "Problems of toponymic milieu transformation (on the material of the Uralsk place names, Republic of Kazakhstan)"

The author considers the problem of the formation of the city modern urbanization on the basis of the changes in the urban landscape of Uralsk (Kazakhstan) in the 20-21 centuries. The article analyzes the periods of changing ideological priorities, scientific and pseudo-scientific foundations of the work of specialists in name-study (officials and scientists).

A special place in the article is devoted to the consideration of the anthroponymic component of the urbanonym, the permissible parameters of commemorative naming are analyzed.

The conclusion states the necessity of harmonious combination of the old and new in the toponymic landscape of the Uralsk region.

Key words: urban landscape, commemorative onyms, toponymic commission.

Ірина Чернишова

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний
університет»

Горлівський інститут іноземних мов

Україна

ПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИСЛОВЛЮ- ВАНЬ З ТЕМПОРАЛЬНИМИ МАРКЕРАМИ ОЦІН- НОСТІ «СВОГО/ЧУЖОГО» ПРОСТОРУ (НА МА- ТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОГО ТЕКСТУ БІБЛІЇ)

Метою дослідження є виявлення прагматичних особливостей висловлювань з темпоральними маркерами оцінності «свого/чужого» простору в англійському тексті Біблії, у зв'язку з чим убачається доцільним аналіз категорій дейксису та оцінки. Дейкисис витлумачується як категорія, за допомогою якої здійснюється вказівка на учасників акту комунікації, її місце та час. Дейктичні засоби визначають координати комунікативного акту, у ролі яких виступають мовець та слухач («я» / «ми», «ти» / «ви»), місце здійснення комунікації («тут») та її час («зараз»), також імпліцитно здійснюється вказівка на особу або осіб, що не беруть участі в акті комунікації («він», «вона» / «вони»), місце, яке не є місцем комунікації («там»), та час, що не є часом здійснення комунікації («тоді»). Ю.Д. Апресян [1], В.В. Бурлакова [5] та ін. виділяють три основні типи дейксису: персональний (особовий), локальний (просторовий) та темпоральний (часовий). Згідно з цим, у персональному дейкисі досліджуються особові та

присвійні займенники, що окреслюють кордони світів першої, другої та третьої особи, у локальному – вказівні займенники та прислівники місця, а у темпоральному – прислівники часу.

Оцінка розглядається нами як мовна категорія, яка відображає суспільно-особистісне уявлення про добро і лихо, про цінність, корисність об'єктів, предметів або явищ та відображає позитивне або негативне ставлення суб'єкта оцінки до її об'єкта. Відповідно до цього, головними елементами оцінної структури є суб'єкт оцінки, її об'єкт та характер ([2], [4]).

Проблема оцінності дейктичних маркерів співвідноситься з категорією «свого/чужого», лінгвістичні засади якої досліджуються такими науковцями, як Н.Д. Арутюнова [3], А.Б. Пеньковский [6] та ін. На думку багатьох з них, протиставлення двох світів – «свого» та «чужого» – має множинну інтерпретацію і реалізується в опозиціях типу «ми/вони», «я/ти», «позитивний/негативний», «близький/далекий», що зумовлює ставлення до «свого» як нормального, а «чужого» як аномального. У такий спосіб саме займенники та займенникові структури можуть служити знаками «свого» або «чужого» простору, набуваючи при цьому позитивного або негативного знаку оцінки.

Задля реалізації поставлено мети нами було виявлено оцінні речення з темпоральними маркерами «свого» (now) та «чужого» (then) простору і досліджено їх комунікативно-прагматичні особливості.

Серед комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких маніфестовано позитивну оцінку, що актуалізується відносно моменту мовлення в англійському тексті Біблії, превалюючим типом є репрезентативний (100%), при вживанні якого мовець переконаний у істинності свого судження, він констатує позитивний стан справ, позитивно-оцінні дії, що відбуваються «зараз», або співвідносить час мовлення з позитивно-оцінними особами, і у такий спосіб непрямо оцінюється час, що маніфестується прислівником now. Репрезентативні оцінні висловлювання оформлені як розповідні

речення, що містять оцінні лексичні одиниці, які виявляють емоційний стан комунікантів на момент спілкування і додають висловлюванню оцінного змісту: *And that, knowing the time, that now it is high time to awake out of sleep: for now is our salvation nearer than when we believed* (Romans 013: 011). Адресант позитивно оцінює час, що вербалізується прислівником *now*, за допомогою лексеми *salvation* (deliverance from sin and its consequences, believed by Christians to be brought about by faith in Christ) та словосполучення *high time* (the latest possible time; a time that is almost too late). Використовуючи репрезентатив, мовець впевнений у істинності свого судження та намагається переконати адресата у тому, що «зараз» є сприятливим часом для пробудження, часом спасіння.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації позитивної оцінки моменту мовлення в англійському тексті Біблії, свідчить про те, що у 100% випадків використовуються репрезентативні мовленнєві акти: адресант прямо заявляє про співвіднесеність часу «зараз» з позитивною оцінкою, він впевнений у правильності свого судження та намагається переконати у цьому адресата.

Серед комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких вербалізовано негативну оцінку, що актуалізується відносно моменту мовлення *now* в англійському тексті Біблії, нами виокремлюються репрезентативні, квеситивні, директивні та комісивні:

1. Середня частота функціонування спостерігається у репрезентативних мовленнєвих актів (68%), при вживанні яких мовець переконаний у істинності свого судження, він констатує негативний стан справ, негативно-оцінні дії, що відбуваються «зараз», або співвідносить час мовлення з негативно-оцінними особами, і у такий спосіб непрямо оцінюється час, що маніфестується прислівником *now*: *Little children, it is the last time: and as ye have heard that antichrist shall come, even now are there many antichrists; whereby we know that it is the*

last time (1 John 002: 018). Адресант негативно оцінює час, що вербалізується прислівником now, за допомогою лексеми, яка вербалізує негативно-оцінну особу antichrists (antichrist – a person or force seen as opposing Christ or the Christian Church). Використовуючи репрезентатив, мовець впевнений у істинності свого судження та намагається переконати адресата у тому, що «зараз» є несприятливим часом для людства, бо є часом перед кінцем світу.

2. У свою чергу квеситиви (25%), з-поміж яких 92% є непрямыми мовленнєвими актами, директиви (4%) та комісиви (3%), що представлені переважно промісивами (96%), характеризуються низькою частотою функціонування. Наведемо приклад використання квеситивного мовленнєвого акту: And Moses said, Wherefore now do ye transgress the commandment of the LORD? (Numbers 014: 041). Негативну оцінку адресата маніфестовано за допомогою дієслова «пороків» transgress (go beyond the limits of what is morally, socially, or legally acceptable), а актуалізація моменту мовлення відбувається за допомогою прислівника часу now: мовець незадоволений адресатом, він вживає непрямий мовленнєвий акт у формі квеситиву для маніфестації обурення його вчинками, що відбуваються «зараз», і це зумовлює непрямую негативну оцінку моменту мовлення now. Використовуючи непрямий мовленнєвий акт, адресант має на меті висловити негативну оцінку світу другої особи та виявити свій негативний емоційний стан, що зумовлюється діями адресата.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації негативної оцінки моменту мовлення в англійському тексті Біблії, доводить, що у більшості випадків (68%) використовуються репрезентативні мовленнєві акти: адресант стверджує про негативний стан справ, негативно-оцінні дії, які відбуваються «зараз», або співвідносить час мовлення з негативно-оцінними особами, що зумовлює непрямую негативну оцінку часу, актуалізація якого відбувається

за допомогою прислівника *now*. Метою мовця є висловлення негативного ставлення до об'єкта оцінки та переконання адресата змінити своє ставлення до певних осіб або речей.

Слід зауважити, що в англійському тексті Біблії нами не було виявлено речень позитивної оцінки з темпоральним маркером «чужого» простору *then*, тому дослідження обмежується виявленням комунікативно-прагматичних особливостей речень негативної оцінки. Серед комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких вербалізовано негативну оцінку, що актуалізується у реченнях з темпоральним маркером «чужого» простору *then* в англійському тексті Біблії, нами виокремлюються виключно квеситивні (100%), які найчастіше представлені риторичними питаннями (83%). Наприклад: *Wherefore then didst thou not obey the voice of the LORD, but didst fly upon the spoil, and didst evil in the sight of the LORD?* (1 Samuel 015: 019) Негативна оцінка адресата уможлиблюється за допомогою дієслова *obey* (*submit to the authority of (someone) or comply with (a law)*), вжитого у заперечному реченні, з цією ж метою використовуються лексеми *spoil* (*waste material brought up during the course of an excavation or a dredging or mining operation*) та *evil* (*profoundly immoral and wicked*); дейктичний маркер *then* слугує інтенсифікатором негативної оцінки та негативних почуттів і емоцій з боку адресанта. Використовуючи квеситивний мовленнєвий акт, мовець воліє знати, що підштовхнуло адресата до ігнорування Божих заповідей та негативно-оцінних вчинків.

Інший приклад: *Wherefore then should thy servant be yet a burden unto my lord the king?* (2 Samuel 019: 035). У висловлюванні незгода мовця бути тягарем для свого царя вербалізується за допомогою лексеми *burden* (*a load, typically a heavy one*). За формою цей непрямий мовленнєвий акт є квеситивом, який може бути трансформовано у репрезентатив у такий спосіб: *Wherefore then should thy servant be yet a burden unto my lord the king? – I do not want be yet a burden unto my lord the king.*

Метою мовця є висловлення свого незадовільного ставлення до того, що інші люди можуть сприймати його як тягар для свого царя, він не згоден з цим, виявляє свій незадовільний емоційний стан, інтенсифікація якого уможливорюється використанням прислівника *then*.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації негативної оцінки у реченнях з прислівником *then* в англійському тексті Біблії, виявляє, що превалюючим є квеситивний комунікативний тип (100%), зокрема непрямі мовленнєві акти (які найчастіше маніфестовано риторичними питаннями (83%)). У такий спосіб мовець воліє запитати про інформацію і висловити своє негативне ставлення та емоційний стан (у випадку використання квеситивного типу) або маніфестувати негативне ставлення та виявити незадовільний емоційний стан (у випадку використання непрямих мовленнєвих актів), що свідчить про завуальованість намірів адресанта з метою більш дієвого впливу на адресата. В обох випадках прислівник *then* слугує інтенсифікатором негативної оцінки.

Як перспектива подальшого дослідження убачається доцільним розгляд лексико-семантичних і синтаксичних особливостей темпоральних маркерів оцінності «свого/чужого» простору для отримання більш вірогідних результатів та дослідження категорії «свого/чужого» у повнішому обсязі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова – М. : Наука, 1988. – 338 с.
3. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 437–449.

4. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Л. Бессонова. – К., 2003. – 40 с.

5. Бурлакова В. В. Дейксис / В. В. Бурлакова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 74–88.

6. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985 – 1987 : сборник / отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.

Анотація

Чернишова І. В. Прагматичні особливості висловлювань з темпоральними маркерами оцінності «свого/чужого» простору (на матеріалі англійського тексту Біблії)

У статті проаналізовано прагматичні особливості висловлювань з темпоральними маркерами оцінності «свого/чужого» простору в англійському тексті Біблії, в зв'язку з чим досліджено категорії дейксису, оцінки, «свого/чужого».

Ключові слова: позитивна оцінка, негативна оцінка, дейксис.

Resume

Chernyshova I. V. Temporal Deixis: “one’s own/alien” Space in the English Biblical Text (Pragmatic Peculiarities)

The article focuses on pragmatic peculiarities of evaluative sentences with local deictic markers and their reference to the category of «one’s own/alien» space in the English biblical text.

Key words: positive evaluation, negative evaluation, deixis.

Людмила Суховецька

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний
університет» Горлівський інститут іноземних мов
Україна

СЕМАНТИЧНИЙ ПАРАМЕТР РОЗПОВІДНИХ КОНСТРУКЦІЙ З ІНТЕНЦІЄЮ ВИМОГИ В АН- ГЛОМОВНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Будь-який громадянин цивілізованого демократичного суспільства щодня відчуває на собі вплив політичного дискурсу. Високий ступінь відкритості та демократичності англомовної спільноти надає широкі можливості для аналізу мови політики. Діапазон суб'єктів політичної комунікації є широким та різноманітним. Його утворюють учасники з різним ступенем професіоналізму, починаючи від рівня професіоналів-політиків, включаючи журналістів та політологів, і завершуючи найширшими масами громадян.

Політична мовленнєва взаємодія передбачає не однобічну спрямованість інформації від еліт до мас, а весь спектр формальних і неформальних комунікативних дій в суспільстві, які мають різний вплив на політику. Однією з провідних рис сучасної політичної комунікації постає категорія спонукання, якою політики намагаються сформувати готовність певного колективного адресата підтримати їхні дії, а електорат, зі свого

боку, намагається контролювати дії влади, щоб вони відповідали інтересам суспільства.

У той час як дослідження мовленнєвої поведінки представників різних соціальних та професійних груп людей відноситься до пріоритетних завдань сучасної лінгвістики, мовлення самого масового та впливового учасника політичної комунікації, яким постає суспільство, пересічні громадяни, досі залишається поза увагою сучасних наукових праць. Не підлягав аналізу і набір типових інтенцій, стратегій та мовленнєвих актів електорату.

Соціальний статус як прагматичний чинник вказує на ієрархічність відносин між комунікантами. Нерівноправність статусних позицій є значущим критерієм для типології спонукальних МА. Наприклад, МА вимоги переважно знаходить відображення в асиметричній комунікації, де ініціатором виступає комунікант, який займає більш високу соціальну диспозицію [11, с. 15]. Вимога з позиції рівноправного або нижчого за статусом комуніканта трапляється в реальній комунікації не так часто й має свої прагматичні особливості функціонування. Отже, соціальний статус адресанта вимоги виступає провідним чинником, що зумовлює **актуальність** обраного дослідження.

Метою статті є здійснення структурно-семантичного аналізу розповідних конструкцій з інтенцією вимога в електоральному сегменті політичного дискурсу. Досягнення мети передбачає вирішення наступних **завдань**: короткий огляд тлумачень інтенція та вимога в лінгвістиці, аналіз соціального статусу електорату як учасника політичного дискурсу, здійснення класифікації розповідних конструкцій з інтенцією вимоги за семантичним критерієм.

В основу теорії мовленнєвих актів покладено поняття інтенції, яка впливає на вибір мовцем тієї чи іншої мовної форми для маніфестації авторських намірів і детермінує плин соціальної взаємодії. Виведення назовні комунікативних інтенцій мовця з метою визнання іншими цього наміру становить сенс мовленнєвої діяльності. Інтенцію характеризують як «матір»

будь-якого мовленнєвого акту, що отримує тіло й контури тільки у його продукуванні [цит. за 2]. Логічно, що інтенція вимоги зумовлює виокремлення відповідного мовленнєвого акту вимоги, який належить до групи прескриптивів.

Слід зазначити, що ті дослідники, які виокремлюють МА вимоги у самостійний тип директивів, схилиються до того, що диференційною рисою вимоги є наявність у мовця пресупозиції про небажання адресата виконати каузовану дію. Причиною такого небажання може бути психологічний стан адресата, або невизнання адресатом пріоритетності статусу прескриптора вимоги [3, с. 18].

З погляду деяких лінгвістів, вимога належить до авторитарного різновиду спонукання, який може походити лише від індивідуумів, які мають повноваження для здійснення таких мовленнєвих актів [7, с. 143] або як імперативний різновид прохання, який не терпить заперечень і не припускає відмови [10, с. 107]. Інколи, навпаки, вимогу трактують як категоричне спонукання за умов відсутності авторитарної позиції мовця, а тому мовець не може бути впевнений у тому, чи буде виконано каузовану дію [6, с. 14].

Зазначається, що адресат наполегливої вимоги не має іншого вибору, оскільки її невиконання може спричинити небажані наслідки [8, с. 195]. Вимога передбачає можливість виконати дію з боку адресата, його зобов'язання це зробити, а також наполегливість у силі спонукання [13, с. 26–27]. Найчастіше вимога використовується після спроб спонукання до дії іншими способами, що не призвели до реалізації мети [12].

У нашій розвідці пристаємо на позицію тих лінгвістів, які акцентують увагу на тому, що адресант вимоги усвідомлює наявність морального, громадського або юридичного права наполягати на виконанні адресатом конкретної дії [1, с. 22; 4, с. 264]. На думку В. С. Григор'євої таку особливість вимоги можна характеризувати як «пресупозицію законності» цілі, висунутої мовцем [5, с. 70].

Отже, вимога, що ґрунтується на певному праві та конвенції, властива мовленню рівного або нижчого за статусом комуніканта [11, с. 15]. На наш погляд, таким комунікантом виступає електорат, соціальна диспозиція якого від початку нижча за статус представника інституту, оскільки він не має влади, але володіє правом вибору. Дослідники зазначають, що у самій лексемі «виборець» закладена висока статусна позиція (якщо обираєш, значить, володієш повноваженнями, ... «прагматичний» статус виборця вищий, ніж у кандидата, який залежить від результату цього вибору [9, с. 84–85].

Таким чином, вимога електорату є соціально-зумовленим МА. За критерієм відсутності володіння владою її характеризують відношеннями «знизу нагору», але за критерієм права вибору – відношеннями «згори до низу». Такий подвійний, гібридний статус адресанта вимоги зумовлює особливості її актуалізації. За результатами проведеного дослідження було виявлено певні семантичні особливості реалізації інтенції вимоги, яка репрезентована розповідними конструкціями у мовленні електорату англomовного політичного дискурсу. Пропонуємо розглянути цей діапазон розповідних конструкцій.

- Речення з використанням компонентів перформативної матриці:

Austerity has failed the British people and the British economy. We demand the chancellor ends austerity now [30];

I demand Article 50 now [19];

People are clamoring to stop the breakneck fragmentation of the service they love [26].

Будучи ядерними засобами актуалізації директивної іллокуції, перформативні компоненти *demand*, *clamore* не тільки сприяють інтенсифікації категоричності вимоги, але і передають важливість та значущість для суспільства дій, що експлікуються у вимогах (припинення економіки суворого режиму, прийняття парламентом статті 50, яка надає законної сили результату референдуму з приводу виходу Британії з ЄС, припинення приватизації системи охорони здоров'я.

• Конструкції з модальними дієсловами *need, should, must, have to, ought to*, серед яких можна виокремити такі семантичні різновиди:

а) ті, що експлікують конкретного виконавця дії, яким постає влада (конкретні політичні особи, політичні партії, політикум взагалі, країни та політичні інститути), який найчастіше займає позицію підмета:

The government simply needs to start writing some decent tax law and simplify the tax regime with tax rates that are competitive [20];

The US should stay out of European affairs [35];

б) ті, в яких виконавець дії поданий займенником *we*:

Therefore we must physically close the borders. No more migrants, period. We must deport the ones already here [34].

Якщо вживання так-званого “інклюзивного *we*” у мовленні політиків зумовлено наміром розділити свою відповідальність за реалізацію дій між собою та суспільством, то уживання займенника *we* у мовленні виборця віддзеркалює його бажання бути учасником політичних рішень, готовність підтримати такі дії влади у разі їхнього запровадження.

в) ті, що не експлікують виконавця дії, оскільки його роль відходить на другий план із певних причин (розуміння контексту ситуації; відсутність значення для адресанта, який саме політичний суб’єкт реалізує його очікування – результат для нього важливіший). Замість виконавця до фокусу уваги потрапляють об’єкти або суб’єкти, на які спрямовані дії вимоги. Відсутність вербалізації виконавця зумовлює певні мовні тенденції – подання спонукальної дії у вигляді пасивної форми дієслова, інколи герундія або віддієслівного іменника

This bill needs to be stopped or at least have the competition element thrown out [24];

Benefits should be the last resort in an otherwise well run and fair society [17];

г) ті, що експлікують брак ресурсів з уживанням тільки дієслова *need*, яке поєднується з іменами конкретної семантики. Наприклад, наступна вимога експлікує потребу системи охорони здоров'я в грошах – *extra money*:

The NHS needs more money for patient care [27].

The House of Lords do need to be reformed or abolished [32].

Група розповідних речень із семантикою:

а) бажаності / відсутності бажаності з такими лексемами як *to want, to wish, to like, to be keen*, ужитих як у стверджувальній так і заперечній формах. Такі предикати експліцитно реалізують “умову щирості”, необхідної для здійснення спонукального іллокутивного акту:

We want a referendum now !! [36].

Our generation do not want a hard Brexit, or any Brexite. Maybe this is a chance to learn and as a country become more united, informed and equal [21];

Наведені приклади демонструють, як модальність бажаності та спонукання перетинаються між собою, між якими не існує чітко вираженої межі, але існує зона сумісного функціонування.

б) права мовця отримати бажану дію. Семантика цієї вимоги корелює із семантикою дозволу, оскільки лексема *right* тлумачиться у такий спосіб: *something that you are morally or legally allowed to do or have [14, с. 1222]*. Мотиваційною основою такого роду спонукання слугує ситуація порушення права людини, що створює потребу нагадати адресатові про свої права і у такий спосіб спонукати владу до створення відповідних умов для їхньої реалізації. Так, на підставі заяви свого права мешканці Британії вимагають захисту кордонів своєї країни:

Britain has every right to secure its own borders and should do whatever is necessary to achieve this [16];

У наступній ситуації було здійснено напад на жінку під час демонстрації з приводу обговорення закону гендерної ідентифікації, що створило підґрунтя для нагадування про свої права на свободу зібрань і, відповідно, для вимоги унеможливити подібні випадки з боку органів правопорядку:

Women have a right to free association and assembly [15];

в) обов'язку влади виконувати певні дії. Лінгвальними маркерами такої вимоги є лексеми *task, duty, obligation*. Семантика таких одиниць містить інтенцію спонукання, наприклад: *task – something that you have to do [14, с. 1469]*. Окрім цього, позалінгвальна ситуація “бути політиком”, передбачає виконання певних обов'язків таких як, наприклад, гарантувати територіальну цілісність країни та верховенство права (приклад) і працювати на своїх громадян (приклад):

United States is and should continue to be a beacon of hope in the world, but the primary duty of elected officials is to maintain our territorial integrity and rule of law [22];

The government's first obligation is to its citizens [23].

г) відповідальності влади:

First Nuclear technology is the intellectual property of the US, the US in turn has a responsibility to keep the global population safe from it [31].

д) відсутності очікуваних дій від влади. Виникнення такої моделі спонукання зумовлено відсутністю збігу між моделлю реальності та моделлю очікувань, на реалізацію яких сподівався адресант. Ці сподівання ґрунтуються на пресупозиційних знаннях про обов'язки влади. Наприклад:

Neither party care about working people, they don't even care about the plight of small businesses despite claiming to be pro business [33];

Nor is there any evidence that affordable housing has been delivered [25].

Адресанти наведених спонукань вважають, що політики мають турбуватися про робочий люд, бізнес, забезпечувати

населення доступним житлом. За констатацією відсутності таких дій стоїть нагадування політикам про їхні обов'язки.

- Розповідні речення, які констатують своєчасність виконання дії за допомогою зворотів «It's time», «Time»:

We've been redistributing wealth for the past 30yrs – from the bottom to the top. It's time to put a stop to that and introduce some much needed balance into our pay structures again [29];

Time for real change that only proportionate representation can bring [18].

На нашу думку, розповідні конструкції, які констатують право електорату, обов'язок і відповідальність влади, своєчасність і необхідність дій, несуть додаткову мотивацію й аргументацію спонукального наміру.

Отже, для реалізації інтенції вимоги у мовленні електорату задіяний широкий спектр розповідних конструкцій. У першу чергу, це вживання перформативних дієслів (demand, urge, challenge, clamor) і модальних (need, should, must, have to, ought to). Конструкції з модальними дієсловами поділяються на такі групи: із експлікацією конкретного виконавця дії або без експлікації; ті, в яких виконавець дії поданий займенником we; ті, що експлікують брак ресурсів і ті, що вживаються з емфатичним do. Інші розповідні конструкції, покликані реалізувати інтенцію вимоги, констатують бажаність і своєчасність виконання дії, наявність права електорату, відповідальності та обов'язку влади. Констатація відсутності очікуваних дій з боку влади реалізується у негативних формах розповідних конструкцій.

Перспектива наукової розвідки полягає в аналізі семантичної специфіки питальних конструкцій, покликаних реалізувати інтенцію вимоги, в аналізі ключових концептів, задіяних колективною свідомістю електорату в процесі творення МА вимоги, та в конкретизації лексичної насиченості визначених концептуальних вузлів.

Література:

1. Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 28. 1969. № 1. С. 11–23.
2. Безугла Л. Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі: монографія. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. 332с.
3. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
4. Вежбицка А. Речевые акты. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
5. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматические и когнитивные аспекты : монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
6. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : спец. 10.02.03. Москва, 2007. 42с.
7. Карандеева Л. Г. Фонопрагматические характеристики речевого акта требования (на материале современного немецкого языка). Ярославский педагогический вестник. № 2. Том I (Гуманитарные науки). 2013. С. 143–145.
8. Мясоєдова С. В. Семантико-прагматичні особливості непрямих реквестивів (на матеріалі сучасної української літературної мови). Наукові записки Національного ун-ту «Острозька академія». Серія «Філологічна». Випуск 60. 2016. С. 193–196.
9. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. Волгоград, 2006. 177 с.
10. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология. Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 1. С. 101–122.
11. Солдатова А. В. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке (На материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбу) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2004. 19 с.

12. Шилихина К. М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. Воронеж, 1999. 182 с.

13. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка. *Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка.* Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

14. Macmillan Dictionary URL : <https://www.macmillandictionary.com>

Список джерел ілюстративного матеріалу:

15. Bellos L. Violence has no place in transgender debate. *Guardian. Letters.* 24 Sep. 2017.

16. Brutus URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/nigel-farage-wants-to-check-every-car-entering-the-uk-for-hiding-immigrants-10341956.html>

17. CaptCrash URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/2395684?page=1>

18. Dalek67 URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/3907846?page=1>

19. DaveGuardian URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/4331014>

20. electronicfur URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/1781082?page=1>

21. Forsdick E. Can the Forsdick family and Britain unite after the Brexit saga? *Guardian. Letters.* 14 Nov. 2017

22. Joe URL: <http://www.nytimes.com/2016/05/31/us/politics/as-us-admits-migrants-in-a-trickle-critics-urge-obama-to-pick-up-the-pace>.

23. Philly URL: <http://www.nytimes.com/2016/05/31/us/politics/as-us-admits-migrants-in-a-trickle-critics-urge-obama-to-pick-up-the-pace>.

24. progandy77 URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/4329630?page=1>

25. Riseborough P. NHS being hit by cuts to beds as well as to social care. *Guardian.* 3 Mar 2017.

26. RobertSnozers URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/3719941?page=1>

27. RoosterRack URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/4340059?page=1>
28. RoyRoger URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/3319215?page=1>
29. sickchip URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/4514533?page=1>
30. Stiglitz J. The chancellor must end austerity now – it is punishing an entire generation. Guardian. Letters. 19 Nov. 2017.
31. ttagit URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/10012457?page=1>
32. yiddo1721 URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/14198282?page=1>
33. Zakida URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/11787204?page=1>
34. Zoltán Koskovics URL: <https://www.economist.com/user/7855996/comments>
35. 44theorderofknights URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/14296050?page=1>
36. 50SHADESofBLUE URL: <https://profile.theguardian.com/user/id/10452156?page=1>

Анотація

Суховецька Л. В. Семантичний параметр розповідних конструкцій з інтенцією вимоги в англomовному політичному дискурсі

Дослідження фокусує увагу на семантичній специфіці розповідних конструкцій, покликаних реалізувати інтенцію вимоги, продукованої англomовним електоратом політичного дискурсу. Авторкою здійснено огляд сучасних тлумачень мовленнєвого акту “вимога” з урахуванням особливостей соціального статусу продуцента мовлення. До мовної об’єктивації інтенції вимоги у мовленні електорату належать розповідні конструкції з перформативними та модальними дієсловами; ті, що констатують бажаність і наявність права електорату, відповідальність та обов’язок влади. Своєчасність виконання дії подана структурами з ініціальними зворотами “Time”, “It’s time”. Констатація відсутності очікуваних дій з боку влади реалізовано негативними формами розповідних конструкцій.

Ключові слова: інтенція, вимога, мовленнєвий акт, політичний дискурс, електорат.

Summary

Sukhovetska L. V. The semantic parameter of the affirmative and negative statements with the intention of demand in English political discourse

The article concentrates upon the semantic specificity of the affirmative and negative statements meant to realize the intention of demand, produced by the electorate of political discourse. A detailed review of the contemporary interpretations of the speech act of demand with reference to the social status of the speaker has been done by the author. The lingual representation of the intention of demand in the speech of the electorate involves statements with performative and modal verbs. Other constructions highlight desire and right of the electorate, responsibility and duty of the authorities. Structures with the initiative “Time”, “It’s time” are frequently used by ordinary people. The negative forms of the statements which convey the idea of the absence of anticipated actions are also used to realize the intention of demand.

Key words: intention, demand, speech act, political discourse, electorate.